

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Александр Кравецкий

К истории снятия клятв на дониконовские обряды

Настоящая статья является частью монографии «Между проповедью и диалогом. Церковная миссия в эпоху культурных перемен», которая должна появиться в издаваемой Круглым столом по религиозному образованию и диаконии книжной серии «Церковные реформы. Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века (Поместный Собор и предсоборный период)». Работа выполнена при поддержке итальянского фонда Russia Cristiana.

Автор пользуется случаем поблагодарить иером. Антония (Лампрехта), прот. Николая Балашиова, свящ. Александра Троицкого и проф. Б. А. Успенского за помощь при подготовке этой статьи.

Возникновение единоверия и вопрос о клятвах

Проблема клятв на старые обряды вставала всегда, когда речь заходила о присоединении старообрядцев к Православной Церкви¹ при сохранении дониконовских чинов. Уже в 1783 году в составленных стародубскими старообрядцами условиях воссоединения стояло требование, «чтобы разрешены были клятвы и поречения на старые обряды»². Тогда же был предложен и способ разрешения этой проблемы. На полях прошения поддерживающий просьбу старообрядцев Потемкин сделал примечание: «Клятва касается только до не покоряющихся Святой Церкви, а которые присоединяются, те не подлежат»³. Таким образом был создан прецедент, к которому обращались позже при учреждении единоверия.

В 1800 году Синод утвердил состоящее из 16 пунктов прошение московских старообрядцев, желающих присоединиться к Синодальной Церкви, сохранив старые обряды, с исправлениями митрополита Платона (Левшина). В первом из этих пунктов была просьба о том, чтобы Синод снял клятвы на двуперстное сложение и другие обряды. В отзыве митр. Платона на этот пункт говорилось, что клятвы были наложены справедливо, что признают и

¹ Здесь и далее мы называем принявших никоновские реформы православными, а непринявших – старообрядцами. Такое словопотребление не особенно удобно, поскольку с точки зрения вероучения старообрядчество ничем не отличается от православия. Однако нейтральных терминов у нас нет, поэтому, за отсутствием лучшего, приходится пользоваться этими терминами.

² Шлеев 1910. 20.

³ Шлеев 1910. 22.

сами присоединяющиеся, прося их отмены. Поэтому, полагал митр. Платон, клятвы следует разрешить, прочитав над каждым из присоединяемых разрешительную молитву⁴.

Учреждение единоверия фактически означало, что Синод не считает, будто дониконовские книги и обряды прокляты Соборами, однако наличие этих клятв смущало совесть единоверцев и служило серьезным препятствием для распространения единоверия. При этом Синод рассматривал единоверие как своеобразный промежуточный этап при воссоединении старообрядцев. В упомянутых выше замечаниях митрополита Платона прямо говорилось, что переход в единоверие возможен лишь после специального расследования, показавшего, что будущий единоверец «в церковь православную не ходил и таинств ее не принимал». Тремя десятилетиями позже это правило было несколько смягчено и к единоверию стало можно присоединяться тем, кто не участвовал в православных таинствах в течение десяти лет⁵. Переход в единоверие из Православной Церкви был безоговорочно запрещен⁶. То есть о равноценности старого и нового обрядов речь не шла. Старые чины *допускались*, но отнюдь не приветствовались. О дониконовских книгах митрополит Платон писал, что в них есть ошибки, но не догматического характера, поэтому ради мира церковного можно разрешить ими пользоваться⁷.

Во второй половине XIX века в связи с проблемой клятв церковные полемисты ссылались на позицию митр. Московского Филарета (Дроздова), которая сводилась к следующему:

Держащиеся обрядов Стоглавого Собора, если перестают быть противниками Православной Церкви и входят в примирение с нею, по силе самого определения Собора 1667 года, должны быть разрешены и действительно разрешаются от проклятия Святейшим Синодом и данною от Бога архиерейской властью. А что они остаются при обрядах Стоглавого Собора, сие не должно приводить их в сомнение, потому что на сии обряды Собором 1667 года проклятия не положено <...> Святейший же Синод, по снисхождению, благословляет им соблюдать сии обряды»⁸.

Более подробно святитель Филарет изложил эту позицию в выдержавшей несколько изданий книге «Беседы к глаголемому старообрядцу»⁹. Здесь он пишет, что, учредив единоверие, Синод не благословлял во всем следовать Стоглавому Собору (иначе, например, пришлось бы лишать христианского погребения тех, кто бреет бороды), а лишь допустил совершение богослужений по дониконовским книгам. Приняв такое решение, Синод, по мнению святителя Филарета, ни в чем не нарушил решений Собора 1667 года,

⁴ Шлеев 1910. 54–55.

⁵ Шлеев 1910. 78.

⁶ Шлеев 1910. 56–57; На просьбы православных приходов перейти в единоверие Синод отвечал так: «Именными высочайшими указами 1798 г. марта 12 и 1800 г. октября 27 числа 5 пунктом повелено: позволять присоединяться к старообрядческой (речь идет о единоверии. – А. К.) Церкви тем только, о которых по исследованию окажется, что они никогда в Церковь православную не ходили и таинств ее не принимали, а в Церкви православной доселе бывших никак до такого соединения не допускать». Шлеев 1910.

⁷ Шлеев 1910. 56.

⁸ Филарет 1855. 27–28.

⁹ Мы пользовались третьим изданием этой книги – Филарет 1844.

поскольку этот Собор лишь утвердил новые книги, но старых не проклинал. Синод лишь прокомментировал решения Собора 1667 года, а потому ни в чем не превысил рамок своей компетенции¹⁰. Но, судя по всему, самого святителя Филарета эта аргументация не удовлетворяла.

В 1864–1865 годах московские единоверцы подали прошение – одно на высочайшее имя, а другое митрополиту Филарету. Авторы этого документа просили не только формально отменить клятвы, но и обратиться к Восточным патриархам с просьбой санкционировать такую отмену. В прошении на имя митр. Филарета имелся даже проект соответствующего послания Синода¹¹. И Московский митрополит, и император Александр II поддержали просьбу авторов этого прошения. Тогда же Синоду поручили подготовить текст определения и передать его Вселенским патриархам через Константинопольскую миссию. Однако это послание так и не было составлено¹².

Надо сказать, что старообрядческие полемисты довольно быстро сформулировали свое отношение к единоверию и, соответственно, к проблеме клятв. Характерную старообрядческую аргументацию хорошо воспроизвел П. И. Мельников в составленной для великого князя Константина Николаевича «Записке о русском расколе»:

Так говорят об этом последователи поповщины:

За содержание книг и обрядов, бывших до Никона, Московский Собор 1667 года наложил на предков наших анафему с таким прибавлением, что скорее весь чин и порядок природы изменится, чем проклятие это снимется (*соборный свиток*); но высочайше утвержденными правилами митр. Платона 1800 года единоверцам разрешено совершать обряды по книгам первых пяти патриархов, лишь бы только подчинялись они великороссийским (то есть православным) епархиальным архиереям. Сии архиереи и сами, служа в церквах единоверческих, совершают обряды, *проклятые Собором 1667 года*.

Чин и порядок природы не изменился, а проклятие снято. Что же это значит? – спрашивают последователи поповщины. Значит это то, – говорят они, – что или Собор 1667 года сделал постановление неправильное, ибо оно отменено через 134 года, или архиереи православные, служащие в единоверческих церквах по нашим обрядам, подлежат анафеме, наложенной Собором 1667 года¹³.

По мере увеличения числа единоверческих приходов становилось ясно, что единоверие может нормально существовать внутри синодальной Церкви. Состоявшееся в 1885 году в Казани архиерейское собрание (его иногда называют Казанским архиерейским Собором) четко сформулировало, что православие и единоверие – это одна Церковь, обряды которой равноценны¹⁴. Одновременно с этим аналогичное собрание сибирских архиереев

¹⁰ *Филарет 1844*. 125–132.

¹¹ Подробнее об этом см. *Шлеев 1910*. 124–132.

¹² *Шлеев 1910*. 142–143. Следует также упомянуть идею митрополита (тогда архиепископа) Макария (Булгакова), который предлагал для решения этого вопроса созвать Поместный Собор, пригласив на него Восточных патриархов (*Шлеев 1910*. 144–145).

¹³ *Мельников 1857*. 172.

¹⁴ *Результаты 1886*. 65.

(Иркутский архиерейский Собор) констатировал, что клятвы по-прежнему представляют острейшую проблему.

Съезд выразил свое желание, чтобы по вопросу о соборных клятвах 1667 г. было сделано Святейшим Синодом сношение с Восточными патриархами для успокоения совести не умиротворяющихся учеными разъяснениями¹⁵.

Эта рекомендация сибирских архиереев не была исполнена, однако в 1886 году Синод издал «Изъяснение о содержащихся в полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицаниях на именуемые старые обряды»¹⁶.

Новый статус единоверцев

Одновременно с указом «Об укреплении начал веротерпимости» Николай II подписал телеграмму о распечатании алтарей Рогожского кладбища, в которой, в частности, говорилось:

Да послужит это столь желанное старообрядческим миром снятие долговременного запрета новым выражением Моего доверия и сердечного благоволения к старообрядцам <...> Да благословит и умудрит их Господь с полною искренностью пойти навстречу желаниям и стремлениям Русской Православной Церкви воссоединить их с нею и прекратить соборным решением тяжелую историческую рознь, устранить которую может только Церковь¹⁷.

Этот призыв был воспринят многими как прямое указание на сближение со старообрядцами, а вопрос о том, до какой степени эта «тяжелая историческая рознь» может быть преодолена, вызывал ожесточенные споры. Действительно, Церковь не могла под давлением государства признать законной, например, австрийскую иерархию¹⁸.

«Устранить тяжелую историческую церковную рознь», – писал в своем отзыве еп. Ставропольский Агафодор (Преображенский), – Церковь может только при единственном условии: если этот вид старообрядчества, как и раскол вообще, сознает ложность своих верований, с покаянием придет в Церковь Божию. Признание же австрийской лжесвященной иерархии в сущих санах и введение ее и ее паствы в лоно святой Церкви – и невозможно, и бесполезно¹⁹.

Епископ Агафодор считал ошибкой и само учреждение единоверия, которое, по его мнению, не способствовало массовому присоединению

¹⁵ *Иркутский Собор*. 39об.

¹⁶ *Никодим* 1971. 69.

¹⁷ *Церковные ведомости*. 1905. № 18. С. 135 (рубрика «Высочайшие повеления»).

¹⁸ Австрийская, или же Белокриницкая, иерархия возникла в 1846 году, когда на территории Австрии в Белой Кринице (ныне – Черновицкая область) произошло присоединение к старообрядцам митрополита Босно-Сараевского Амвросия. В XIX веке Белокриницкая иерархия периодически пыталась добиться своего признания Православными Церквями.

¹⁹ *Отзывы II*. 271.

старообрядцев, а лишь утвердило их в своей правоте, поскольку даже никониане признали истинность старых обрядов.

Согласно иной точке зрения, единоверие было наиболее удобным способом постепенного воссоединения старообрядцев с Русской Церковью. Поэтому утверждение единоверия рассматривалось как миссионерское предприятие.

Единоверческие приходы, – говорил на одном из заседаний VI отдела Предсоборного присутствия прот. С. Шлеев, – это миссионерские станы. Духовенство и миряне этих приходов – все призваны по самой идее единоверия и его устройству к миссионерствованию словом и делом²⁰.

После Манифеста о веротерпимости все более популярной становилась идея, что единоверие следует рассматривать не как промежуточную ступень между старообрядчеством и православием, а как самоценную и самодостаточную традицию. Уже на первом заседании VI отдела Предсоборного присутствия было постановлено «ходатайствовать о признании Собором единоверия применительно к решению архипастырского Собора в Казани, не переходную ступенью от раскола к православию, не болезнью, но почитать единоверческие общины православными и равночестными с теми, которые содержат одобренные Собором 1667 года обряды»²¹.

Сторонники этой точки зрения считали, что не следует поощрять переходы единоверцев в православие. От них надо требовать лишь уважения к чинам и обрядам господствующей Церкви. Да и само название «единоверцы» следует заменить на «православные старообрядцы». Более того, не следует радоваться тому, что второе-третье поколение единоверцев испытывает тяготение к новым обрядам. Если такие присоединения станут массовыми, то единоверцы утратят доверие старообрядцев. А ведь при миссионерской деятельности среди старообрядцев можно рассчитывать на их переход в единоверие, но не в «никонианскую» Церковь²².

Признание равноценности единоверия и православия означало разрешение свободного перехода из православия в единоверие и обратно. По утвержденным в 1800 году правилам о единоверии, переход православного в единоверие допускался лишь в том случае, если он фактически не ходил в православную церковь и не участвовал в ее таинствах. В дальнейшем эти правила смягчались, но не отменялись. Предсоборное присутствие нашло эти требования не соответствующими указу от 17 апреля 1905 года и постановило ходатайствовать перед Собором «о дозволении как православным переходить в единоверческие приходы, так и единоверцам – в православные, с тем, однако, чтобы и православные, и единоверцы, переходящие из одного прихода в другой, испрашивали на то согласие епископа, посоветовавшись со своим прежним приходским священником»²³. Вопрос же о переименовании единоверческого прихода в православный или обратно остается на усмотрении епархиального архиерея.

²⁰ Журналы II. 235.

²¹ Журналы II. 218.

²² Журналы II. 219.

²³ Журналы II. 220.

Переименование допускается при единодушном или почти единодушном желании прихожан. Однако часть прихожан имеет право строить свою церковь.

В связи с этим велась и дискуссия об особых единоверческих епископах. Проблема здесь заключалась в том, уместно ли учреждение особой единоверческой епископии или же единоверческие приходы так же, как и все, подчиняются православному архиерею. Этот вопрос обсуждался достаточно напряженно, но в итоге учреждение отдельных единоверческих епископий было признано полезным²⁴. Первым единоверческим иерархом стал еп. Симон (Шлеев).

Снятие клятв или их разьяснение?

По вопросу о клятвах большинство участников предсоборной полемики были готовы сделать шаг навстречу старообрядцам. Так, епископ Могилевский Стефан (Архангельский) полагал, что, восстанавливая канонический строй церковной жизни, Православная Церковь снимает основное обвинение, которое выдвигали против нее старообрядцы²⁵. Поэтому должна быть снята и последняя препона для воссоединения, а именно – отменены клятвы 1667 года на старые обряды²⁶. То, что клятвы 1656–1667 годов являются серьезнейшим препятствием для развития единоверия, признавали все. Однако решения этого вопроса предлагались разные.

Одни участники дискуссии полагали, что в XVII веке были прокляты сами древнерусские богослужебные чины, поэтому необходимы не разьяснения клятв, а полная их отмена. В представленном VI отделу Предсоборного присутствия докладе самарского епархиального миссионера свящ. Д. Александрова и синодального миссионера прот. К. Крючкова говорилось:

Как на одну из причин удаления своего от Православной Церкви старообрядцы более всего указывают на Собор 1656 года, на котором с клятвою безусловно воспрещено двуперстное крестное знамение. <...> Таким образом, преданы были проклятию все молящиеся двуперстно, не только раскольники, но и православные <...>. Клятвы эти волнуют и доселе упорных приверженцев старины – раскольников, смущают немало и православных, молящихся двуперстно, смущают и сильно наших единоверцев, – служат большим тормозом в миссионерском деле. <...> Для успокоения старообрядцев и православных, но молящихся двуперстно, необходимо уже не одно разьяснение клятв патриарха Макария и Собора 1656 года, как это требуется относительно клятв Собора 1667 года, а совершенная отмена этих клятв, как положенных «от простоты и неведения». Подобные примеры отмены клятв к успокоению чад Церкви бывали и в Древней Церкви²⁷.

²⁴ *Собрание определений III*. 3–5.

²⁵ Старообрядческие полемисты видели в замене патриаршего управления синодальным важнейшее свидетельство незаконности и безблагодатности никонианской Церкви.

²⁶ *Отзывы I*. 101.

²⁷ *Журналы II*. 284–285.

К близким выводам пришли и члены епархиальной комиссии, работавшей при архиепископе Новгородском Гурии (Охотине):

Собором 1667 года употребление дониконовского обряда на будущее время безусловно воспрещено. Отлучение от Церкви и клятва Собора изречены были на всякого, кто после сего решения отказывался принять новоисправленный церковный обряд. С этим соборным определением несогласно разрешение, данное Синодом в 1800 году обратившимся к Церкви старообрядцам. Поэтому необходимо клятву Собора «разрешить и разрушить» соборным же актом (подобно тому, как клятвы Стоглавого Собора разрешил и разрушил Собор 1667 г.). Это необходимо сделать для успокоения совести единоверцев и для того, чтобы устранить смущение желающих перейти в единоверие старообрядцев²⁸.

В том же духе высказалась и созванная еп. Пермским Никанором (Надеждиным) комиссия по вопросу о положении Православной Церкви по отношению к старообрядцам:

Главнейшим и величайшим актом борьбы с расколом явился бы «соборный» пересмотр клятв Соборов 1666–1667 годов, а также переоценка бывших отношений Церкви к старообрядцам. Клятвы Соборов и доселе продолжают смущать совесть не только старообрядцев, но и единоверцев. Они в настоящее время служат основным тормозом, препятствующим старообрядцам соединиться с Церковью. Как бы ни объясняли эти клятвы, как бы ни разъясняли их, старообрядец останется при том убеждении, что если клятвы наложены Собором, то Собором должны быть и сняты или разъяснены. Тогда бы сами собою пали преграды для соединения старообрядцев и православных. Нужно также переоценить бывшие отношения Церкви к старообрядцам после Соборов 1666–1667 годов. Эти отношения не всегда были последовательны. До 1763 года²⁹ Церковь, – говорят старообрядцы, – называла старые обряды еретическими, а потом дозволила их употреблять единоверцам, то есть старообрядцам, соединившимся с Церковью. Чтобы не смущать немощную совесть старообрядцев и отнять у них главные поводы к обвинению Церкви, Церковь могла бы созвать «Собор соединения», на котором бы все то, что смущает старообрядцев, было <бы> объяснено и разъяснено³⁰.

К соборному пересмотру клятв призывал и епископ Астраханский Георгий (Орлов), который полагал, что по этому вопросу следует снестись с Восточными патриархами, а затем пересмотреть текст клятв таким образом, чтобы они относились к лидерам старообрядчества, но не к самим обрядам³¹.

Сторонники другой точки зрения на клятвы 1656–1667 годов исходили из того, что прокляты были не старые обряды, а люди, которые следовали им вопреки церковному запрету, и потому клятвы подлежат не отмене,

²⁸ *Отзывы II*. 205.

²⁹ Насколько нам известно, присоединяющимся к Церкви старообрядцам стали разрешать сохранять дониконовские обряды несколько позже, поэтому мы не знаем, что имел в виду еп. Никанор, приводя эту дату.

³⁰ *Отзывы II*. 388.

³¹ *Отзывы II*. 325.

а лишь специальному разъяснению. Именно эта точка зрения являлась тогда официальной. Мы уже указывали на то, что таким образом толковал клятвы митр. Филарет (Дроздов). По его мнению, Собор 1667 года лишь отменил клятвы Стоглавого Собора на тех, кто не крестится двумя перстами:

1. Собор сей изложил и подтвердил обряды, основанные на древних греческих и славянских харатейных книгах, Православною Церковью издревле и ныне содержимые.

2. Обрядов так называемого Стоглавого Собора он не одобрил, но и не проклял.

3. Посему содержащие сии обряды за одно сие проклятию Собора 1667 года не подлежат.

4. Проклятию сего Собора подлежат те, которые не только содержат обряды Стоглавого Собора, но, по случаю сих обрядов, являются противниками Православной Церкви <...>.

5. Кто *уразумился* и престаает быть противником Святой Церкви, тот должен быть разрешен и свободен от проклятия, положенного на противников³².

Эту точку зрения разделяли многие участники дискуссии. Так, епископ Самарский Константин (Булычев) пишет в своем отзыве, что старообрядцы понимают клятвы Собора 1667 года как проклятие обрядов, а православные (в соответствии с определением Синода от 1 марта 1886 г.) как проклятие только тех, кто отделился во имя следования старым обрядам. По его мнению, Собор должен авторитетно разъяснить вопрос о клятвах³³. Того же мнения придерживался и епископ Могилевский Стефан (Архангельский).

Учреждением единоверия, – писал епископ Стефан, – Православная Церковь фактически засвидетельствовала уже, что она не осуждает и не порицает старого обряда как такового; Собор православных архипастырей в Казани разъяснил это и своим нарочитым постановлением. Ныне благовременно, дабы целый Поместный Собор, равночестный Собору 1667 года, всенародно подтвердил (даже если бы потребовалось для того и требуемое старообрядцами предварительное сношение с Восточными патриархами), что клятвы Собора 1667 года наложены на лиц, противящихся Церкви из-за разности в обрядах, а не на самые обряды, и что Православная Церковь признает полную и совершенную равночестность старого и нового обрядов³⁴.

По поручению VI отдела Предсоборного присутствия профессор Н. И. Ивановский подготовил проект послания к Восточным патриархам с просьбой приехать в Россию и в Успенском соборе заявить, что клятвы Собора 1667 года относятся не к старым обрядам, а к тем, кто хулит принявшую новые обряды Церковь. Одновременно с этим должно было быть официально объявлено, что те, кто придерживается старых обрядов, но

³² Филарет 1855. 27.

³³ Отзывы I. 518–519.

³⁴ Отзывы I. 101–102.

является членом Православной Церкви, свободен от проклятия. Необходимость такой двойной декларации свободы от соборного проклятия объясняется стремлением членов VI отдела свести к минимуму возможность двойного толкования акта о снятии клятв³⁵.

VI отдел предложил также ходатайствовать об отмене клятвы 1656 года на двуперстно молящихся. Отмена этой клятвы казалась возможной, поскольку, по мнению членов Отдела, двуперстие было проклято по недоразумению. Проклявший двуперстие Антиохийский патриарх Макарий был просто введен в заблуждение, познакомившись с «неправильной редакцией “Феодоритова слова”»³⁶, печатаемой в наших служебниках с середины XVII века». Также было решено просить Собор «объявить небывшими» употребляемые в полемических сочинениях резкие характеристики старых обрядов³⁷.

Выводы, к которым пришли члены VI отдела, были сформулированы в следующих положениях:

1) Имея в виду пользу Святой Церкви, успокоение двуперстно молящихся и облегчение встречаемых миссионерами затруднений в разъяснении произнесенной Антиохийским патриархом Макарием и Собором русских иерархов в 1656 году клятвы на двуперстно молящихся ходатайствовать перед Всероссийским Собором об отменении означенной клятвы, как положенной по «недоброму разумению» (ср. Шестого Вселенского Собора правило 12³⁸) патриархом Макарием смысла нашего двуперстного сложения, каковое недоразумение возникло у патриарха вследствие ознакомления с неправильной редакцией «Феодоритова слова», печатавшейся в наших книгах половины XVII века <...>, подобно тому, как и Собор 1667 года «разрушил» клятву Собора Стоглавого, положенную на не крестящихся двуперстно.

2) Ходатайствовать пред Собором и о том, чтобы от лица Всероссийской Церкви было провозглашено, что порицательные на «старые» обряды выражения, полемическими писателями прежнего времени допущенные, явились как следствие духа времени, страстной борьбы противников, возмутительных нападок на обряд, православной Церковью содержимый, излишней ревности православных полемистов и, наконец, тоже неправильного разумения смысла и значения обрядов, отмененных Собором. В настоящее время, при более ясном понимании значений обрядовых разностей вообще, Церковь ничего зазорного и еретического в этих обрядах не видит, ничего порицательного в отношении их не принимает и не разделяет, научая тому и чад своих. *Прежние же порицательные выражения совершенно отменяет и вменяет яко не бывшие*³⁹.

³⁵ Журналы II. 226–227.

³⁶ «Феодоритово слово» – древнерусское сочинение, посвященное перстосложению и приписываемое Феодориту Кирскому (Голубинский 1905. 165).

³⁷ Журналы II. 245–246.

³⁸ Двенадцатое правило Трулльского Собора уничтожило прежнюю практику, допускающую женатый епископат. (Никодим I. 459–473).

³⁹ Журналы II. 244–245. См. также прочитанный на одном из заседаний VI отдела доклад самарского епархиального миссионера священника Д. Александрова и синодального миссионера прот. К. Крючкова «Об отмене клятв патриарха Макария и Собора 1656 года на крестящихся двуперстно». Журналы II. 284–285.

Тезисы Предсоборного совета

Наиболее серьезному рассмотрению вопрос о клятвах был подвергнут на заседаниях Предсоборного совета⁴⁰. Для обсуждения этого вопроса была создана особая комиссия, занимавшаяся выработкой проекта. В качестве основы были взяты тезисы, подготовленные прот. С. И. Шлеевым. Этот документ включал три раздела. В первом речь шла о клятвах патриарха Макария Антиохийского и Собора 1656 года, во втором – о некорректных выражениях, встречающихся в антистарообрядческих сочинениях, а в третьем – о клятвах Собора 1667 г.⁴¹:

А.

1. Клятвенные запреты патриарха Макария и Собора 1656 г., как гласит буквальный их текст, касаются православных христиан, молящихся двуперстно.

2. В то время двуперстники признавались противниками Церкви и неправомудрствующими, а само двуперстие по расположению пальцев – неправославным.

3. Клятвенные запреты должны быть в отношении православных и единоверцев отменены и разрушены, и двуперстие само по себе должно быть признано православным преданием.

4. Отмена клятвенных запретов необходима, иначе многим старообрядцам кажется, что Церковь до сих пор проклинает то, что сама же благословляет.

5. Отмена клятвенных запретов не произведет столько соблазна, сколько наличность их. Отмена у враждующих старообрядцев отнимет лишний повод их отделения.

6. Отменение клятвенных запретов не подорвет авторитета Церкви, ибо они явились по «недоброму разумению» (ср. VI Вселенский Собор, правило 12)⁴² патриархом Макарием нашего двуперстного сложения, каковое недоразумение возникло у Патриарха вследствие ознакомления с неправильной редакцией так называемого «Феодоритова слова», печатавшегося в наших книгах половины XVII века (Кириллова книга, Предисловие к Псалтыри).

Б.

1. Порицательные на старые обряды выражения, полемическими писателями прежнего времени допущенные, явились как следствие духа времени, страстной борьбы противников, возмутительных нападков на обряд, Православную Церковь содержащий, излишней ревности православных полемистов и, наконец, неправильного разумения смысла и значения обрядов, отмененных Собором.

⁴⁰ Вопросами старообрядчества занимался VI отдел Предсоборного совета, которым, кроме тезисов о клятвах 1656–1667 годов, были выработаны такие законопроекты, как «Положение о единоверии или православном старообрядчестве» (*Предсоборный совет II*. 276–280) и «По вопросу старообрядческой Белокриницкой иерархии и чиноприятии ее в Православной Церкви» (*Предсоборный совет II*. 287об.–288).

⁴¹ *Клятвы*. боб.–8.

⁴² См. прим. 38.

2. В настоящее время, при более спокойном отношении и ясном понимании значения обрядовых разностей, прежние порицательные выражения становятся особенно излишними.

3. Церковь ничего зазорного и еретического в старых обрядах не видит, а потому ничего порицательного в отношении их не разделяет. Прежние же выражения порицательного свойства совершенно отменяет и изменяет яко не бывшие.

В.

1. Ко времени Собора 1667 года настроение держателей старых обрядов определилось. Многие из них свои церковные обычаи сделали орудием противления Церкви и опасным поводом к неправому мудрствованию.

2. Собор 1667 года, стоявший в связи с Собором 1666 года, судившим церковных раздорников, вынес определение применительно к тому времени.

3. Постановление Собора 1667 года абсолютно запрещает употребление старого обряда. Претит клятвой всем, начиная от архимандритов и кончая младенцами.

4. Совершенное под таким углом зрения отлучение старообрядцев ко всем держателям старины приложено быть не может. Не все во время Собора, а тем более сейчас, со старым обрядом мыслят противление Церкви и ереси.

5. Как таковое определение Собора 1667 г. совместно с Восточными патриархами должно быть ограничено. Яснее должен быть очерчен круг лиц, разумевшихся Собором.

6. Безусловное значение клятв Собора 1667 года Поместный Собор 1917 года должен уничтожить и исправить неправильную редакцию от 13 мая Соборного акта Большого Московского Собора.

7. Собор должен провозгласить равночестность обрядов и их одинаковую ценность в деле спасения.

При обсуждении этих тезисов Н. М. Гринякин говорил, что не следует отменять резкие характеристики старообрядцев, содержащиеся в полемических сочинениях, поскольку это частное мнение авторов. Кроме того, по мнению Гринякина, не следует отделять клятв патриарха Макария и Собора 1656 года от клятв Собора 1667 г. Эти клятвы следует считать одним целым, а «положены они не на старый обряд сам по себе (иначе патриарх Никон и вся Русская Церковь, молившаяся до 1656 г. двуперстно, были бы признаны в ереси, от которой их нужно принимать было в Церковь особым чином, чего не было), а на еретическое мудрование о двуперстии, соединенное с противлением Церкви и похулением ее обрядов за ересь, то есть за произведенный из-за этого обряда церковный раскол, и поэтому клятвы эти нуждаются теперь не в отмене их, а лишь в соборном разъяснении»⁴³. Н. М. Гринякиным были предложены собственные тезисы:⁴⁴

⁴³ Клятвы. 9–9об.

⁴⁴ Клятвы. 9об.–12.

I. Отмена и снятие <клятв> по существу

1. Отмена и снятие этих клятв со старого обряда или содержащих его есть утверждение недоказанного положения; к тому же отменить или снять определенный исторический факт никто не может.

2. Отменить же или снять церковную действительность этих клятв может только власть не менее как равностепенная со властью, положившей клятвы, то есть Русский Собор святителей с непременно притом личным участием Восточных патриархов.

3. Клятвы положены на старый обряд лишь по букве неудачной их редакции, но не по внутреннему смыслу, в силу только опасения в двуперстии еретичества (армянства, несторианства, арианства и духоборчества), при наличии распри, противления церковной власти и похуления в еретичестве книго-обрядовой исправы патриарха Никона (с 1653 года Аввакум видел наступление еретической зимы), и не касаются обряда и содержащих его православных христиан вне этих условий. Для православных христиан, знаменующихся двоеперстно и не содержащих в этом перстосложном символе указанных ересей, как равно не выражающих и похуления на Православную Церковь из-за троеперстия и других ее обрядов, как еретическую якобы, – клятвы эти ничтожны, яко не сущия. Это Собор и должен объявить православным и единоверцам.

4. Разрушению же этих клятв касательно всего старообрядческого раскола должно предшествовать снятие раскольниками своих клятв с Православной Церкви, как воспринявшей якобы в новых обрядах множество ересей; ибо эти, раскольничьи, клятвы предваряли и обуславливали собой клятвы церковной власти.

5. А пока не будет сделано этого последнего, Церковь не может разрушить клятв на своих противников и хулителей, уже самоотлучившихся Церкви, в силу прямой проповеди Христа и его апостолов (Мф. 18, 17; Тит. 3, 10–11).

6. Чтобы безусловно уничтожить значение этих клятв, для этого нужно прежде всего доказать, что патриархи Макарий и Никон и Соборы 1656 и 1667 гг. объересяли или вообще одогматизировали церковный обряд сам по себе. Но доказать этого нельзя (грамота патриарха Паисия на вопросы Никона 1654 г., напечатанная в октябре 1655 г. в «Скрижали», разрешение в 1657 г. Неронову «сугубить аллилую» в Успенском соборе, «старые и новые» служебники «обои добры» по Никону); до 1653 г. Никон ни себя, ни свою Церковь в ереси за двуперстие не завинял и чинопрятия в православие не просил; непрекословящим молитва Иисусова в старой редакции разрешена). Объересяли же старый обряд раскольники.

7. Для того же самого нужно тщательно увериться, что и поныне расколостарообрядцы не символизируют в двуперстии каких-либо ересей <...>

II. В миссионерских видах

1. Снятие или отмена клятв, безусловно, <...> не успокоит, а, наоборот, еще более смутит немощную совесть единоверцев и других православных христиан, крестящихся двуперстно: ибо тогда со всей категоричностью пред верующим умом этих православных людей станет мысль, что на предках их, за все прошлые 250 лет, эти клятвы, значит, лежали и что эти предки сошли в могилу проклятыми.

2. Снять или отменить клятвы безусловно, как несправедные якобы и безрассудные, чего так добиваются раскольники, значит подвергнуть Православную Церковь самопроклятию и объявить ее состоящую под проклятием, а старообрядческий раскол под благословением от Бога: ибо «несправедно налагаемые запрещения от Бога не связуют, аще и архиерей положит ... кто от верных кого отлучит нерассудным изречением, сего же не токмо не касается отлучение, но и на главу отлучившего возвращается ... Бог несправедно связанного возбраняет и отмщает ... кто недостойно проклянет кого, или свяжет, себя проклянет и свяжет (Потребник патриарха Иосифа, л. 724; Просветитель Иосифа Волоцкого, слово 12). Итак, Православная Церковь станет тогда проклятым расколом, а раскол старообрядчества явится благословенною, отмщенною Св. Церковью Христовой, и по соборному суду самой же Православной Церкви!.. Такого своего торжества огнепально и ждет старообрядческий раскол, лукаво нашептывая православным о необходимости уничтожения соборных клятв 1656–1667 гг., обещая присоединиться к единоверию или православию, а в душе, думается, лелея противоположное – присоединить к себе то и другое, когда он только и может успокоиться касательно сих клятв.

3. Единоверие в таком случае тоже явится проклятым за свою связь и единение с самопроклявшейся Православной Церковью.

4. Религиозно-богословский и вообще культурный уровень православной и старообрядческой массы, набожной, но темной, не дает оснований и надежды на другой исход и другие миссионерские последствия от безусловной отмены соборных клятв как положенных якобы безрассудно – «простотою и невежеством».

5. Едва ли можно сомневаться в том, что за Собором, на котором Православная Церковь отменой клятв проклянет саму себя, последуют не все православные христиане, – произойдет новый раскол из-за ревности не по разуму по обращению в православие раскола старого.

6. С вопросом о клятвах Соборов 1656–1667 гг. вообще надлежит *блостно како опасно ходим*, рассуждая не только научно-академически, но и учитывая психологию верующих масс данного религиозно-культурного уровня <...>

7. Вопрос о клятвах как главном якобы камне преткновения для воссоединения старообрядческого раскола с Церковью выдвинут раскольничьи книжниками сравнительно недавно (вторая половина XIX в.) и искусственно, ибо исторически несомненно, что эти клятвы (Соборов 1667 и даже 1656 г.) были не причиной и основанием, а следствием и карой для раскола как определенного уже церковно-канонического и догматического отчасти разделения. Ввиду этого, а также не рассчитывая на личное участие в предстоящих соборных деяниях Восточных патриархов, полагаем, что клятвы Соборов 1656 и 1667 гг. на предстоящем Соборе следует лишь надлежаше разъяснить, а не отменить или безусловно разрешить и вменить в «несущее»⁴⁵.

Дальнейшая дискуссия в VI отделе Предсоборного совета шла вокруг этих тезисов. Так, прот. А. А. Акципетров⁴⁶ полагал, что позиция Шлеева

⁴⁵ К разграничению в данном случае «клятвы Собора 1656 г.» и «клятвы Собора 1667 г.» мы не находим оснований ни со стороны истории раскола, ни со стороны существа «подклятвенного» предмета. – *Прим. источника.*

⁴⁶ *Клятвы*. 12об.–16об.

ничем не отличается от старообрядческой. По прот. Акципетрову, «на Соборе 1656 г. и в словах патриарха Макария “кто из христиан православных” разумеются только те, кто некогда “двуперстие” сделали знамением бунта против матери Св. Церкви, а это были предки раскольников и только. Тем же лицам, кои и при “двуперстии” не порывали спасительного общения с Церковью, даже в те времена разрешалось употребление двуперстия»⁴⁷. Далее прот. А. А. Акципетров говорил, что отменять клятвы нельзя, так как такая отмена будет использована старообрядцами для борьбы против православия. Не следует даже давать соборных разъяснений, поскольку, как показывает опыт единоверия, количество присоединившихся к православию старообрядцев ничтожно. Вполне достаточно тех разъяснений, которые были сделаны раньше.

Деяния Казанского Собора 1885 г., изъяснение Святейшего Синода 1886 г. относительно порицательных выражений в полемических книгах, грамота Святейшего Синода по поводу столетнего юбилея единоверия в 1900 г. не удовлетворили ни тех, ни других. <...> А если и потребуются новое авторитетное разъяснение Собора по сношении с Восточными патриархами, то лишь в том смысле, что клятва Собора 1656 г. праведно была положена на хулителей Церкви, а на тех, кто с благословения Св. Церкви крестился двуперстно, то клятва Собора и патриарха Макария никогда положена и не была; а на хулителях церковных она лежала, лежит и будет лежать впредь до раскаяния их в хуле на Св. Церковь⁴⁸.

Проф. М. Н. Васильевский на основе анализа источников доказывал, что «с научно-исторической точки зрения оспаривать правильность понимания старообрядцами и единоверцами смысла приведенных клятвенных наречений решительно невозможно»⁴⁹. Однако отмена клятв, по мнению Васильевского, может повредить авторитету Церкви, поэтому следует лишь соборно подтвердить разрешение Синода на двуперстие.

Другие участники дискуссии выступали за отмену клятв.

Отмена клятв, – говорил прот. С. Шлеев, – нужна не для старообрядцев и не для единоверцев, а для самой Русской Церкви. Кто любит ее, тот всегда будет желать и стараться, чтобы Церковь не имела скверны или порока, чтобы ее соборные определения были святы, носили благодать Св. Духа, были проявлением церковной правды и были усвоены верующими без укоризны. Между тем клятвы указанных Соборов носят следы проявления деспотизма иерархии над телом Церкви⁵⁰.

Архиеп. Сергей (Страгородский) говорил, что если бы даже удалось доказать, что под клятвами находятся лишь те, кто выступал против Церкви, это не успокоит совесть молящихся двуперстно. Однако если клятвы будут сняты, значит, они прежде существовали и единоверцы были под ними.

Я думаю, что по настоящему делу надо принять среднее решение. Пусть Собор торжественно утвердит равночестность обряда и одинаковое значение его для спасения и затем даст правильное разъяснение соборного

⁴⁷ *Клятвы*. 14.

⁴⁸ *Клятвы*. 16–16об.

⁴⁹ *Клятвы*. 21об.

⁵⁰ *Клятвы*. 23–23об.

определения о клятвах, добавив к этому, что если находятся все-таки лица, которые не могут отрешиться от той мысли, что клятвы наложены на обряды, то клятву в таком понимании Собор признает «яко небывшую»⁵¹.

К этому предложению присоединился и П. И. Астров, а епископ Холмский Евлогий (Георгиевский) считал, что независимо от того, обряд или люди были прокляты, Собор во имя любви может снять клятву.

Окончательную редакцию тезисов подготовили прот. С. И. Шлеев, М. Н. Васильевский, П. И. Астров и И. Г. Айвазов. Подготовленный ими текст обсуждался на пленарных заседаниях Предсоборного совета (заседание 7, 22 июля 1917 г.). Наиболее остро дискутировался вопрос о том, на что именно были наложены клятвы – на обряды или же на конкретных лиц. Еп. Андроник (Никольский) защищал точку зрения, согласно которой проклятие было наложено «только на раздорников, с похулением отзывающихся о троеперстии и других православных обрядах»⁵². Он аргументировал это тем, что Восточные патриархи хотя и с недоверием относились к двуперстии, но все-таки сослужили с признающими двуперстие. «Если сделать постановление о снятии клятв, – продолжает еп. Андроник, – то окажется, что мы заблуждались, а старообрядцы составляют единую истинную Церковь. В старообрядческих журналах они пишут, что Православная Церковь готова отказаться от ереси и соединиться с ними»⁵³. И. М. Громогласов соглашался с тем, что клятвы на обряды не были положены, однако, по его мнению, речь идет об отмене запрещения на старые обряды, которое было наложено вместе с великими клятвами. Б. В. Титлинов считал, что прокляты были именно обряды. По его мнению, Церковь вполне может признать, что она давно уже не придерживается этой точки зрения. Проф. В. З. Завитневич исходил из того, что религиозное сознание эволюционирует и современная Церковь находится в ином состоянии, чем это было в XVII веке: раздоры прошлого следует покрыть любовью. Еп. Холмский Евлогий (Георгиевский) указывал на то, что клятвы непреодолимой стеной отделяют Церковь от старообрядцев, преодолеть взаимное отчуждение при помощи разъяснений не удастся. Проф. А. И. Покровский утверждал, что и сам патриарх Никон стоял на старообрядческой точке зрения, то есть держался за букву. Учитывая психологию Никона и его противников, можно признать, что суровые меры были полезным педагогическим приемом. Однако времена меняются, и то, что в XVII веке было полезно, теперь безусловно вредно. И тезисы Отдела как раз предлагают современный взгляд на эту проблему⁵⁴. Генерал Л. К. Артамонов признавал главным виновником конфликта патриарха Никона. Он считал, что на соборные клятвы следует смотреть как на дисциплинарную меру. «Раньше было много наказаний и в военном быту за такие проступки, за которые теперь не наказывают. Даже в Англии долго оставался закон, недавно отмененный, по которому муж мог продать сварливую жену. Снятием клятвы мы лишаем престижа старообрядчество, наносим ему удар»⁵⁵.

⁵¹ *Клятвы*. 25об.

⁵² *Предсоборный совет I*. 27.

⁵³ *Предсоборный совет I*. 27об.

⁵⁴ *Предсоборный совет I*. 28–28об.

⁵⁵ *Предсоборный совет I*. 28об.

В принятом документе декларируется, что клятвы были наложены на обряды, а не на тех, кто выступал против священноначалия, а затем говорится об отмене клятв. Отвергнутые VI отделом тезисы еп. Андроника мы приводим петитом параллельно с тезисами Отдела.

**В Поместный Собор
Всероссийской Православной Церкви⁵⁶**

**Тезисы доклада Особой комиссии VI отдела
о клятвах патриарха Макария и московских Соборов 1656–1667 гг.**

1. Восточные и другие православные пастыри, Афанасий, бывший патриарх Константинопольский, Макарий, патриарх Антиохийский, Григорий, митрополит Никейский, Гавриил, митрополит Сербский, Епифаний Славянецкий и другие, посетившие Москву в половине XVII века, обратили внимание на разности церковно-богослужебного чина и обряда Русской Церкви сравнительно с Церковью греческою. По свидетельству патриарха Никона, они «зазирали» эти разности как новшества, не имеющие для себя оснований ни в русской, ни тем более в греческой церковной древности⁵⁷.

2. Особое внимание Восточных иерархов привлекло двуперстное сложение руки для крестного знамения. Считая древним и всеобщим обычаем для крестного знамения в Православной Церкви только троеперстие, они русское двуперстие рассматривали как обычай армянский, по своему внутреннему знаменованию не чуждый еретических мыслей⁵⁸.

*Редакция, принятая
Предсоборным советом*

3. Отсюда Антиохийский патриарх Макарий, Сербский митрополит Гавриил и Никейский митрополит Григорий – в Неделю Православия 24-го февраля 1656 года, те же святители и Молдавский митрополит Гедеон – в своем письменном ответе патриарху Никону и, наконец, Русский Собор 23 апреля 1656 года, повелевая всем православным христианам молиться по изначальному преданию Восточной Церкви троеперстно, употребление двуперстия для православных христиан подвергли клятвенному запрещению⁵⁹.

*Особое мнение еп. Андроника
(Никольского)*

3. Посему Антиохийский патриарх Макарий, Сербский митрополит Гавриил и Никейский митрополит Григорий – в Неделю Православия 24-го февраля 1656 г., те же святители и Молдавский митрополит Гедеон – в своем письменном ответе патриарху Никону и, наконец, Русский Собор 23 апреля 1656 года, повелевая всем православным христианам молиться по изначальному преданию Восточной Церкви троеперстно, подвергли клятвенному осуждению тех, кто требовали употребления только двуперстия, раздорнически похуля церковное троеперстие, и клятвенно запретили такое употребление только двуперстия с хулою троеперстию⁶⁰.

⁵⁶ Типографский текст с грифом Святейшего Правительствующего Синода – *Клятвы*. 1–2.

⁵⁷ Тезис принят с небольшими изменениями редакционного характера.

⁵⁸ Принято единогласно.

⁵⁹ Принято единогласно.

⁶⁰ *Предсоборный совет I*. 31.

4. Клятвенное запрещение, касающееся употребления в Православной Церкви двуперстия, Большим Московским Собором 1667 г. распространено и на все прочие отмененные им особенности богослужбного чина и обряда. Правда, в тексте деяний этого Собора нет прямого, ясно и определенно выраженного воспрещения употреблять старопечатные богослужбные книги и старые обряды. Но, повелевая «с великою клятвою святыи символ приимати и глаголати без прилога», «аллилуия троити», «знаменатися знамением креста тремя первыми персты» и т. д. (лл. 33–34), Собор таким своим повелением, очевидно, клятвенно отменил и запретил Символ веры читать с прилогом, аллилуия сугубить, знаменатися двуперстно и пр. <«Понимать соборное постановление 13 мая 1667 года как-нибудь иначе, значит не только исказить его подлинный смысл, но и стать в решительное и непримиримое противоречие с теми задачами и целями, какие преследовались вообще книжно-обрядовым направлением того времени»>⁶¹.

4. Клятвенное осуждение, касающееся требовавших употребления только двуперстия, Большим Московским Собором 1667 г. распространено на употреблявших все прочие отмененные им особенности богослужбного чина и обряда с похулением церковных чинов и обрядов. Посему, повелевая с великою клятвою «святыи символ приимати и глаголати без прилога», «аллилуия троити», «знаменатися знамением креста тремя первыми персты» и т. д. (лл. 33–34), Собор клятвенно осудил тех хульников Св. Церкви, которые требовали употребления только чтения Символа веры с прилогом, сугубой аллилуии, двуперстия и проч. и с хулою запрещали употребление церковных чинов и обрядов⁶².

5. Указанные клятвенные запреты, сильно смущая совесть единоверцев и православных двуперстников, составляют в то же время преграду на пути к примирению старообрядцев с Православною Церковью. Неоднократные разъяснения и подтверждения со стороны Св. Синода о дозволенности и спасительности употребления в общении с Церковью старопечатных богослужбных книг и обрядов, ввиду соборного характера относящихся до них запретов, являются недостаточными и не достигающими цели⁶³.

6. Необходимо, чтобы Всероссийский Церковный Собор издал новое и такое определение, в котором вопрос о клятвенных запретах касательно

⁶¹ Тезис принят после ожесточенной дискуссии, 12 голосами при 4 против и 5 воздержавшихся. Заключенный в угловые скобки фрагмент отсутствует в печатном тексте, но читается в принятом проекте (*Клятвы*. 30об.).

⁶² *Предсоборный совет* I. 31–31об. Эту редакцию также поддержал проф. И. А. Карабинов.

⁶³ Принято единогласно.

именуемых старых чинов и обрядов разрешался бы с исчерпывающею и не возбуждающею никаких сомнений полнотою⁶⁴.

7. Освященный Собор Российской Церкви обращается к православной пастве и старообрядцам с особым посланием, в коем призывает тех и других к церковному миру и единению. В этом послании, проникнутом чувством христианской любви, раскрываются общие положения⁶⁵:

а) Кратко излагается прискорбный факт происшедшего во 2-й половине XVII века церковного раскола, вынудившего Церковь упорных противников, обвинявших ее в еретичестве, соборне предать церковному отлучению. Отмечаются заботы Церкви об утишении постепенно разраставшегося мятежа церковного и кратко перечисляются предпринимавшиеся к этому пастырские и духовно-просветительные меры⁶⁶.

б) Не оставляя своим пастырским и благодатно-молитвенным попечением отторгшихся, но все же дорогих для нее бывших чад ее, Св. Церковь учредила единоверие. В единоверии, с одной стороны, наиболее рельефно выразилась вся полнота любви Церкви к старообрядцам, а с другой – ее истинный взгляд на хранимый ими церковно-религиозный уклад.

в) Принимая в свое общение старообрядцев без малейшего нарушения хранимого ими церковно-религиозного уклада, Церковь самым делом засвидетельствовала, что дорогие для старообрядцев богослужебные книги и обряды сами по себе признаются ею непротивными православию и держащиеся этих книг и обрядов в общении с нею являются чадами единой, святой, соборной и апостольской Церкви. Независимо от сего Св. Синодом неоднократно издавались распоряжения, раскрывающие тот же взгляд.

г) Вполне подтверждая эти распоряжения Св. Синода, Освященный Собор, в целях полного умиротворения церковного, составляет собственное определение. В своем определении: 1) богослужебные книги, напечатанные при первых пяти Российских патриархах, Собор признает, хотя и не лишенными многих разногласий и неисправностей, православными; 2) свято хранимые многими православными, единоверцами и старообрядцами церковные обряды Собор считает обычаями Православной Церкви и, при православном их внутреннем знаменовании и в общении со Святой Церковью, спасительными; 3) держащихся этих книг и обрядов в единении со Св. Церковью Собор признает такими же чадами единой, святой, соборной и апостольской Церкви, как и тех, которые содержат одобренные Собором 1666–67 гг. книги и обряды; 4) все несогласные с выраженным взглядом суждения о старых обрядах, встречающиеся в издававшихся с разрешения церковной власти полемических сочинениях и некоторых других церковно-государственных актах прежнего времени Собором отменяются;

⁶⁴ Принято единогласно.

⁶⁵ Принято единогласно.

⁶⁶ В первоначальном варианте вместо «упорных противников, обвинявших ее в еретичестве», было – «упорных раздорников и хульников, оболгавших ее в еретичестве». Против этой редакции высказались три человека, которые предложили смягчить резкость этих выражений. Однако из-за «отсутствия более мягких синонимов» был принят исходный вариант. В опубликованной версии читается более мягкий вариант.

Редакция, принятая Предсоборным советом

5) клятвенные запреты, изреченные отдельными святителями (Антиохийским патриархом Макарием, Сербским митрополитом Гавриилом, Никейским митрополитом Григорием и Молдавским митрополитом Гедеоном) и Соборами 1656 и 1667 гг., поскольку в этих запретах усматривается возбранение самого употребления старых богослужбных чинов и обрядов, Собор отменяет.

д) соборным определением рушатся все преграды, стоящие на пути к церковному примирению старообрядцев. Православные и старообрядцы призываются к прекращению вековой распри и церковному объединению в единой, святой, соборной и апостольской Церкви.

Судя по всему, члены Предсоборного совета рассматривали свой проект как почти принятое соборное решение. На шестнадцатом заседании Совета⁶⁸, когда было решено просить Собор организовать специальный Отдел о внутренней и внешней миссии, который занялся бы решением проблем, сформулированных Предсоборным советом и всероссийскими миссионерскими съездами, вопрос о клятвах 1656–1667 не предполагалось выносить на обсуждение этого Отдела: он считался решенным Предсоборным советом⁶⁹.

Миссионерский съезд 1917 года

Пятому Всероссийскому миссионерскому съезду Синод поручил «иметь суждение по вопросам, касающимся старообрядчества ввиду имеющего быть Собора Русской Церкви»⁷⁰, поэтому подготовленные Предсоборным советом материалы были подвергнуты самому пристальному анализу. Для обсуждения вопроса о клятвах была образована специальная комиссия, позиция которой существенно отличалась от позиции Предсоборного совета. Члены Комиссии считали, что будущий Собор должен не отменять клятвы, а лишь подтвердить разъяснения Синода о том, что под ними находятся не приверженцы старых обрядов, а нарушители церковной дисциплины.

Любопытно, что во время дискуссии миссионер С. И. Костров предложил просить Собор официально объявить, что книга Феофана Прокоповича «О поливательном крещении» является личным мнением Преосвященного Феофана, а не общецерковным взглядом на эту проблему. Кроме того,

⁶⁷ Предсоборный совет I. 31об.

⁶⁸ 28 июля 1917 года.

⁶⁹ Протоколы отдела. 354–355.

⁷⁰ Миссионерский съезд 1917. 122.

Особое мнение еп. Андроника (Никольского)

5) если же кто в отзывах отдельных святителей и определениях Соборов 1656 и 1667 годов усмотрел бы, однако, клятвы и запрещение на древние обряды или старопечатные богослужбные книги, а не клятвы и запрещения на хульников и раздорников против Церкви и ее обрядов и книг, то таковые клятвы и запрещения Собор разрешает, яко не бывшие⁶⁷.

С. И. Костров считал необходимым напечатать все документы, имеющие отношение к расколу⁷¹. В результате 1 августа 1917 года Комиссия предложила ходатайствовать перед Собором:

1) Дабы Собор богослужебные книги, напечатанные при первых пяти российских патриархах, признал хотя и не лишенными многих разногласий и неисправностей, но православными, а также

2) <признал> свято хранимые многими православными, единоверцами и старообрядцами церковные обряды – обычаями Православной Церкви, при православном их внутреннем значении и в общении со Св. Церковью – спасительными;

3) дабы Собор лиц, держащихся этих книг и обрядов в единении со Св. Церковью, авторитетно признал, как и ранее то признавала Св. Церковь, такими же чадами единой, святой, соборной и апостольской Церкви, как и те, которые содержат одобренные Соборами 1666–1667 гг. книги и обряды;

4) дабы Собор все несогласные с выраженным взглядом суждения о старых обрядах, встречающиеся в издаваемых с разрешения церковной власти полемических сочинениях, признал принадлежащими авторам сих сочинений, не одобряемыми и не разъясняемыми Церковью, как сие и было сказано в известном «Изъяснении» Св. Синода.

Членами секции было признано, что такими соборными определениями с большей ясностью и авторитетностью будут разрушены преграды, стоящие на пути к церковному примирению раскольников-старообрядцев, и по примеру древних христиан, считавших безумием разделяться из-за разности в церковных обычаях, православные старообрядцы призываются к прекращению вековой распри и к церковному объединению в лоне единой, святой, соборной и апостольской Церкви.

Примечание: Выражение 7 тезиса доклада Особой комиссии VI отдела Предсоборных работ о клятвах патриарха Макария и Соборов 1656 и 1667 гг. – литеры г, пункт 4: «и некоторых других церковно-государственных актах прежнего времени Собором отменяются и вменяются яко небывшие» – члены секции признали неопределенным и излишним⁷².

В подготовленном Комиссией докладе указывалось на то, что выработанный Предсоборным советом документ содержит противоречия. С одной стороны, там содержится мысль о том, что Московский Собор 1667 года распространил запрет, касающийся лишь двуперстия, на другие особенности богослужебного чина, то есть запретил употреблять дониконовские чины и обряды⁷³. С другой стороны, в том же тезисе имеется оговорка, что в деяниях Собора 1667 года нет прямого, явного и определенно выраженного запрета употреблять старопечатные богослужебные книги и обряды. Члены комиссии видят здесь явное противоречие:

Апостол сказал, что «да» и «нет» в делах веры не имеет места и посему вышеприведенные положения в предсоборной работе недопустимы (2 Кор. 1, 17–20). <...> Имеющий скоро быть Собор Русской Церкви по причине неопределенности выражений в подготовительной работе <...> не

⁷¹ Миссионерский съезд 1917. 100.

⁷² Миссионерский съезд 1917. 100об.–101.

⁷³ Миссионерский съезд 1917. 122–122об.

найдет необходимой для <...> определения смысла клятв Собора 1667 г. точности⁷⁴.

По мнению членов Комиссии, Собор 1666 года был против мятежников и раскольников, хулящих Церковь и ее обряды, и осуждал именно их. Собор 1667 года лишь утвердил постановление Собора 1666 года и, осудив раскольников и мятежников, разрешил старые обряды при условии непротivления и непрекословия Церкви. Члены Комиссии были убеждены, что реализация проекта Предсоборного совета «не приблизит, а отдалит старообрядцев от Церкви»⁷⁵.

Следует также упомянуть мнение проф. Грацианского, который считал, что вопрос о клятвах носит чисто академический характер и совершенно не интересует старообрядческую массу⁷⁶.

Мнение Комиссии обсуждалось на пленарном заседании Съезда, которое состоялось 2 августа 1917 года. Здесь снова звучали утверждения, что Собор 1667 года не проклинал старый обряд: «Наоборот, – говорил прот. В. Теплов, – Собор с великою клятвою сказал о Симболе веры, молитве Иисусовой, перстосложении и др.»⁷⁷. По мнению свящ. М. Валькова, «не клятвы вызвали раскол, а раскол клятвы как меру нравственного воздействия»⁷⁸. Ссылаясь на одобренную Собором 1667 года книгу «Жезл правления» свящ. М. Вальков утверждает, что этот Собор не выступал против употребления старых обрядов с дозволения церковной власти. Священник Успенский полагал, что позиция Собора 1667 года выражена формулой: «Кто противится Церкви, да будет отлучен».

Кто противился в то время? – спрашивал свящ. Успенский. – Тот, кто не употреблял троеперстия и не употребляет и теперь. Молитва Иисусова помещена в соборном деянии в двух редакциях, и это соборное определение ни в ком не возбуждает беспокойства; если бы также было сказано и о двуперстии, что оно непротivящимся разрешается, то это было бы понятно. Но этого нет, и это неясное определение Собора вызывает волнение и требует разъяснения. Были попытки от имени Русской Церкви разрешить клятву, но делали это лица и учреждения некомпетентные. Собор наложил клятву, Собор же должен разрешить ее. Мы поддерживаем желание некоторых, чтобы голос, выражающий церковное учение, был выражен предстоящим

⁷⁴ Миссионерский съезд 1917. 122об.–123.

⁷⁵ Миссионерский съезд 1917. 122об.

⁷⁶ Миссионерский съезд 1917. 133. Забегая вперед, нужно сказать, что когда во 2-й половине XX века клятвы были отменены, более или менее заметного движения старообрядцев и православных навстречу друг другу действительно не произошло. Более того, стала высказываться идея, что вся Православная Церковь должна вернуться к дониконским книгам и обрядам. Приведем лишь одну цитату из недавно вышедшей книги Б. Кутузова: «Исторические решения в отношении старообрядчества, в том числе и отмену клятв, принял в 1929 году Священный Синод, а Поместный Собор 1971 г. утвердил эти решения. Не следует ли в настоящее время для окончательного торжества справедливости и истины официально признать необходимость возврата к старым книгам, как более добротным и, можно сказать, почти идеальным по сравнению с нашими современными книгами». Кутузов 2003. 282.

⁷⁷ Миссионерский съезд 1917. 88об.

⁷⁸ Миссионерский съезд 1917. 88об.

Собором и по этому вопросу. Что клятвы должны быть сняты – этого желал и Киевский Всероссийский миссионерский съезд⁷⁹.

Окончательная редакция принятых съездом формулировок фактически отменяет приведенный в предыдущем разделе проект Предсоборного совета. По вопросу о клятвах 1656 года съезд предложил следующие тезисы:

*Тезисы
Миссионерского съезда,
принятые на
пленарном заседании № 8
(2 августа 1917 г.)*

*Отдельное мнение по вопросу
о клятвах патриарха Макария
и Собора 1656 года преподавателя
Смоленской Духовной Семинарии
Василия Теплова. (4 августа 1917 г.)*

1) Клятвы патр. Макария и Собора 1656 г. были положены отнюдь не на всех крестящихся двуперстно, а только на тех, которые с двуперстием соединяли еретическое мудрование, которые двуперстием усвоили значение неизменного догмата веры, которые хулили Церковь и которые вследствие того отделились от православных христиан, употреблявших троеперстие по примеру всех Восточных Церквей.

2) Означенные клятвы вызваны были самою необходимостью, а не положены были от *простоты и неведения*, как выразилось Предсоборное присутствие, и потому необходимы были в свое время так же, как необходимы они и теперь по отношению к именуемым старообрядцам, придающим двуперстием неправославный характер и употребляющим его в осуждение и отрицание троеперстия, в явное противление Церкви, с явными хулами на нее.

3) Как вызванные необходимостью и необходимые ныне клятвы эти не подлежат отмене, тем более, что отмена их явилась бы совершенно бесцельною.

4) Для успокоения мятущейся совести единоверцев и православных

По вопросу о клятвах патриарха Макария и Собора 1656 года я не могу согласиться с резолюцией общего собрания V Всероссийского Миссионерского съезда, вынесенной на заседании 2-го августа.

Ввиду того, что теперь считается научно установленным, что Восточные патриархи, и в том числе патриарх Макарий, не только не признавали равноценности двуперстия и троеперстия, но приписывали первому даже «армянскую ересь» и что Собор 1656 г. на основании этого подверг клятвенному запрещению двуперстие, является насущная потребность на предстоящем Всероссийском Соборе пересмотреть этот вопрос. Полагаю, что церковный Собор снимет эти клятвы как наложенные по основаниям, утратившим в последнее время свою силу и значение. И это тем более, что IV Киевский Всероссийский Миссионерский съезд высказался положительно за отмену этих клятв. Поэтому в качестве отдельного мнения предлагаю следующую формулу по данному вопросу:

«Основываясь на преемственности работ миссионерских съездов и признавая, что клятвы патриарха Макария и Собора 1656 г. наложены на крестящихся двуперстно ревностью, хотя и святою, но не по разуму, как имевшие в своей основе признание неравноценности двуперстного и троеперстного перстосложения, впоследствии же, когда учреждением единоверия была признана

⁷⁹ Миссионерский съезд 1917. 88об.–91 (л. 91 следует за л. 88).

⁸⁰ Айвазов 1917. 32–33.

христиан, молящихся двуперстно, необходимо Высшей церковной власти в лице предстоящего Собора разяснить им смысл означенных клятв на основании вопроса патр. Никона, в уверенности, что для успокоения единоверцев и православных вполне будет достаточно авторитетного голоса этой власти, подобно тому, как авторитета этой же власти оказалось достаточно для принятия в лоно Православной Церкви тех из старообрядцев, которые изъявили желание восстановить нарушенное их предками единение с нею, с удержанием древних церковно-богослужебных книг, чинов и обрядов вообще и двуперстия в частности, вопреки, по-видимому, клятвам патриарха Макария и Собора 1656 г. Что же касается закоренелых старообрядцев, то их, как мы видели, удовлетворило бы одно лишь *раскаяние* Православной Церкви *пред расколом за прошлое осуждение безрасудных актов*, чего, конечно же, быть никогда не может и что несомненно с достоинством Церкви⁸⁰.

равноценность этого и другого перстосложения, сами собою пали и клятвы. Но наложенные соборно клятвы могли быть и отменены соборно. Ныне, когда Российская Церковь стоит в преддверии поместного Собора, V Всероссийский Миссионерский Съезд полагает, что Собор снимет эти клятвы и тем не только успокоит немощную совесть наших братьев-единоверцев, но акт церковной соборной любви растопит и ожесточенное сердце старообрядцев и направит их в лоно Православной Церкви»⁸¹.

Что касается клятв, наложенных Московским Собором 1667 года, то свою позицию Миссионерский съезд сформулировал так:

*Тезисы Миссионерского съезда,
принятые на пленарном заседании
№ 9 (2 августа 1917 г.)*

Обсудив вопрос о клятвах Собора 1667 года, съезд пришел к заключению, что клятвы Собора наложены не на старые обряды и чины, но на противников Церкви и новых обрядов, а потому и клятвы эти должны остаться неразрешенными и впредь на означенных людях, пока они не обратятся к

Особое мнение Василия Теплова:

Из Деяний Собора 1667 г. нельзя не видеть, что клятвы наложены за содержание старых обрядов, содержание, правда, очень упорное. Это-то упорство в содержании старых обрядов и заставило церковную власть для ограждения и закрепления новых обрядов прибегнуть к клятвенным прещениям. <...> Вся последующая

⁸¹ Миссионерский съезд 1917. 94–94об.

Церкви с покаянием. Что же касается единоверцев и православных людей, которые употребляли и употребляют старые чины и обряды в полном единении со Св. Церковью и в полном подчинении ей, то постановили: просить предстоящий Всероссийский Собор разъяснить вновь, что на этих лицах клятвы не лежали и не лежат, и тем успокоить мятущуюся совесть некоторых из них⁸².

история до учреждения единоверия говорит, что церковная власть понимала определение Собора 1667 года в смысле клятвенного запрещения старых обрядов и, в соответствии с этим, выявляла свое отношение к старообрядческому расколу. Церковная власть, руководясь определением Собора 1667 г., не признавала равноценности старого и нового обряда. Сам 250-летний спор православных со старообрядцами по данному вопросу подтверждает ту же самую мысль. Если бы мысль о равноценности обрядов в «Деяниях» Собора была выражена в форме ясной и определенной, то не могло бы быть тех возражений и недоумений, которые возникли после Собора и не прекращаются доселе и которые не могли быть разъяснены неоднократными «разъяснениями» церковной власти. Между тем выяснение вопроса о клятвах Собора 1667 года имеет громадное значение в деле устранения нашей давней розни со старообрядчеством на пути примирения с ним, и потому является необходимым, чтобы предстоящий Собор по этому вопросу вынес постановление, разрешающее все сомнения и недоумения. Поэтому со своей стороны я предлагаю такую формулу по данному вопросу: «Усматривая в Деяниях Собора 1667 г. наличность клятвы за содержание старых обрядов в том, что у отцов Собора очень заметна мысль приписывать содержащим старые обряды “еретические мудрования” и что эта же мысль проглядывает в ограждении клятвою обрядов, принятых Собором 1667 года, V Всероссийский Миссионерский Съезд полагает, что на предстоящем Церковном Соборе клятвы эти должны быть отменены, поскольку ими запрещается употребление старых обрядов»⁸³.

⁸² Айвазов 1917. 33–34.

⁸³ Миссионерский съезд 1917. 89–89об.

Таким образом, в процессе подготовки Собора было подготовлено два диаметрально противоположных проекта деяния. Предсоборное присутствие предлагало клятвы отменить, а Миссионерский съезд – издать очередное разъяснение, что прокляты не сами обряды, а нарушители церковной дисциплины.

Обсуждение вопроса о клятвах на Поместном Соборе

Вопрос о клятвах на старые обряды начал обсуждаться Отделом по единоверию и старообрядчеству на 20-м заседании (24 ноября 1917 г.). Для того, чтобы решение вопроса о клятвах было принято органом не менее авторитетным, чем Собор 1667 года, было решено обсудить проект соответствующего деяния с представителями Вселенских патриархов⁸⁴. Однако до этого дело не дошло: подготовка деяния шла очень медленно, причем окончательную редакцию Отдел так и не успел подготовить.

Текстом, который обсуждали члены Отдела, были тезисы Предсоборного совета, причем материалы Миссионерского съезда 1917 г. также были в их распоряжении. Отдел без особых прений принял первые два тезиса Предсоборного совета, в которых указывалось на то, что иерархи, посетившие Москву в середине XVII века, обратили внимание на отличия русской богослужебной практики от греческой и усмотрели в этих элементах еретический характер.

Однако обсуждение следующих тезисов застопорилось: предметом долгой дискуссии стал вечный камень преткновения – вопрос о том, были ли прокляты старые обряды, а если да, то на каких именно этапах церковной дискуссии XVII века. Третий тезис обсуждался в течение трех заседаний (21, 22, 23): на 21-м заседании было признано, что «Восточные святители в Неделю Православия 24 февраля 1656 г. «употребление двуперстия для православных христиан подвергли клятвенному запрещению»⁸⁵, на следующем заседании рассматривался вопрос о том, было ли двуперстие проклято в письменном ответе Восточных патриархов, причем решен этот вопрос был снова положительно.

На 23-м заседании речь шла о том, что именно было проклято Собором 1656 года. Характерно, что идею о том, что прокляты были люди, а не обряды, поддерживали профессиональные миссионеры. Так, А. Г. Куляшев (пермский епархиальный миссионер) доказывал, что патриарх Никон «тушил не двуперстие, а раскол» и Собор 1656 г. проклинал не двуперстие, а только раскольников, и, указывая на большую опасность для Православной Церкви поспешного решения этого вопроса, предлагал отложить его решение, поручив специальной ученой комиссии подготовить проект решения к следующему Собору⁸⁶. А прот. Феодосий Воловей (епархиальный миссионер Бессарабской, а затем Херсонской епархий), ссылаясь на труды Н. П. Субботина, К. Никольского и архимандрита Павла Прусского,

⁸⁴ *Единоверие*. 49об.–50.

⁸⁵ *Единоверие*. 52.

⁸⁶ *Единоверие*. 54 об.

пытался показать, что под клятвой находятся те, кто использует вполне законные обряды в антицерковных целях.

О законности клятв 1656 г. говорили свящ. А. Г. Альбицкий (уездный миссионер Нижегородской епархии), А. Д. Зверев (миссионер Московской епархии), а также епископ Уральский Тихон (Оболенский). А протоиерей С. И. Шлеев считал, что необходимо указать, что осуждение двуперстия было ошибкой. В конце концов третий тезис все-таки был принят⁸⁷.

Однако принять четвертый тезис Отдел так и не смог. Основная проблема была сформулирована профессором М. Н. Васильевским, в докладе которого утверждалось, что во всем своем объеме клятвы Собора 1667 года не могут быть отменены: нельзя, например, снимать клятвы с тех, кто выступал против церковной власти или хулил ее. Отменены могут быть лишь те положения, которые смущают совесть православных и единоверцев. В связи с этим М. Н. Васильевский предложил разбить четвертый тезис на несколько вопросов и разбирать каждый из них отдельно. Первым был поставлен следующий вопрос: «верна ли мысль, что Собор 1667 года воспретил употребление старых богослужебных обрядов?»⁸⁸ Еп. Уральский Тихон (Оболенский), прот. Ф. Воловей и А. Д. Зверев отвечали на этот вопрос положительно, а еп. Челябинский Серафим (Александров) и А. Г. Куляшев – отрицательно. Причем епископ Серафим прочитал на 29-м заседании специальный доклад, посвященный клятвам 1667 года, полагая, что «поднимать вопрос о снятии этих клятв могут только сознательные или несознательные враги Православной Церкви»⁸⁹. Основные выводы доклада еп. Серафима протокол формулирует так:

1) снимать клятву со старых обрядов и чинов (по терминологии раскольников и раскольниковствующих) – это значит снимать то, чего не было и нет, ибо Собор 1667 г. в своем определении означенных чинов и обрядов не проклинал и даже не касался, и навязывать этому Собору чуждую ему мысль о поречении на «старое благочестие» <не следует>;

2) для лиц же, на которых действительно положена и лежит соборная клятва, т. е. раскольников, поносящих Православную Церковь с ее иерархией и таинствами антихристовой или еретической из-за принятых и содержащих ею новоисправленных чинов и обрядов, если бы им хотелось выйти из подклятвенного состояния, клятва эта сама собою отменяется и разрушается при их воссоединении с Церковью, ибо, по соборному определению, под клятвой и анафемой состоят они лишь до того времени, «дондеже уразумеются и возвратятся в правду с покаянием» <...>;

3) мысль <о том, что> якобы с отменой клятв Собора 1667 г. расколо-старообрядцы валом повалят в Православную Церковь, в основе своей имеет или незнание раскола (3/4 которого – беспоповцы – не из-за клятв отделяются от Православной Церкви, а из-за антихристово будто бы в ней царствования), или злонамеренное домогательство, чтобы Православная Церковь отменой клятв <...> произвела над собой самоосуждение и, оправдав тем раскол, вынуждена была признать на его именно стороне церковную истину <...>;

⁸⁷ Клятвы. 66.

⁸⁸ Клятвы. 71об.

⁸⁹ Клятвы. 91–91об.

4) вопрос о клятвах Собора 1667 г. (в смысле снятия или отмены сих клятв) нужно снять с очереди занятий Отдела и ограничиться лишь соборным разьяснением по нему для сумнящихся и претыкающихся⁹⁰.

Доклад еп. Серафима стал предметом ожесточенной полемики, причем на заседание Отдела был даже доставлен рукописный оригинал деяний Собора 1667 года. С мнением еп. Серафима относительно того, были ли прокляты сами старые обряды, полемизировали прот. С. Шлеев, проф.-прот. А. Преображенский, а также М. Н. Васильевский и И. М. Громогласов.

Собор определенно, навсегда и безусловно запретил употреблять другие обряды, кроме тех, какие он повелел содержать, – говорил И. М. Громогласов. – Обрядового параллелизма он не признавал. Иной вопрос, как смотреть теперь на такое соборное определение. Из церковной истории известно, что иногда соборные определения и без формальной их отмены теряли свою силу, сама жизнь, так сказать, отменяла их. Но раз по нашему вопросу налицо сомнения и соблазны, то настоящему Собору нужно вынести по сему предмету определенное свое слово. Тут дело, может быть, осложняется тем, вправе ли наш Собор отменить постановления Собора 1667 г., в которых участвовали и Восточные иерархи. Казалось бы, что раз вопрос в данном случае касается нашей Поместной Русской Церкви, то она и сама на своем Поместном Соборе может решить его. Но думается, что и Восточные иерархи не откажутся подтвердить то, что теперь уже и нами и ими признано, т. е. дозволенность православным людям употреблять «старые» обряды (в единоверии), и что для этого с ними (Восточными иерархами⁹¹) следовало бы сделать сношение⁹².

С критикой позиции И. М. Громогласова выступил В. И. Зеленцов, который полагал, что нельзя рассматривать решения Собора 1667 г. вне связи с решениями Собора 1666 года. Он говорил, что Собор 1667 года старых обрядов не проклинал и даже занял позицию более мягкую, чем Собор 1666 года. В том же духе выступал и А. Г. Куляшев.

Дискуссия продолжалась до начала апреля 1918 года, когда митрополит Антоний (Храповицкий), председательствующий на заседании Отдела, посетовал, что этот вопрос занял уже десять заседаний, и предложил перейти к голосованию. Однако и с голосованием все было не просто. На 35-м заседании Отдела⁹³ этот тезис был принят большинством голосов (11 за, 10 против и двое воздержались). Однако на следующем заседании это решение было опротестовано: оказалось, что среди проголосовавших был не являвшийся членом Отдела А. М. Черноуцан. К тому же воздержавшийся при голосовании А. Г. Куляшев заявил, что он все-таки голосует против. Вопрос пришлось отложить до третьей сессии.

Ввиду того, что и такое голосование, как 10 за тезис и 11 против него, нельзя считать за решительное, вопрос по 4-му тезису необходимо отложить

⁹⁰ *Клятвы*. 91.

⁹¹ В этой связи делопроизводитель Отдела Н. М. Гринякин напомнил, что решение о приглашении представителей Восточных патриархов Отдел принял еще на 20-м заседании.

⁹² *Клятвы*. 95об.–96.

⁹³ 23 марта / 5 апреля.

до будущей сессии Собора (до осени 1918 г.) и <...> к тому времени желательно иметь для Отдела письменные доклады по вопросу тезиса, с одной стороны, от М. Н. Васильевского и И. М. Громогласова, а с другой стороны – от Преосвященного Серафима (Александрова), А. Г. Куляшева и прот. Ф. Воловея⁹⁴.

Следующее обсуждение этого вопроса состоялось лишь 20 августа / 2 сентября 1918 года, когда до закрытия Собора оставалось менее трех недель. Это последнее обсуждение вопроса о клятвах 1656–1667 годов протокол передает следующим образом:

Имея в виду интересы сближения старообрядцев с Православной Церковью и в целях успокоения немощной совести значительной части единоверцев и многих православных, крестящихся двуперстно, надлежит безотлагательно провести авторитетом настоящего долгожданного Собора снятие клятвы как патриарха Макария, так и Собора 1656 года, согласно принятым уже в Отделе тезисам 1-му, 2-му, 3-му и части 5-го <...>, вопрос же о клятвах Собора 1667 г. – еще <...> не законченный и требующий для своего решения, по мнению некоторых, присутствия на Соборе Восточных патриархов или по крайней мере их отзыва, что по обстоятельствам переживаемого времени исполнить невозможно, отложить до следующей сессии Собора или до созыва нового Собора. Ныне же Священный Собор Православной Российской Церкви особым посланием, предусмотренным п. 5 помянутых тезисов доклада особой Комиссии Предсоборному Совету, имеет обратиться к глаголемым старообрядцам, призывая их к миру, единению, взаимной любви и забвению прошлой распри. Изложив в этом послании смысл и значение порицательных выражений, содержащихся в полемических книгах прежних против раскола писателей, Собор должен указать глаголемым старообрядцам, что Православная Церковь равночестно почитает и принимает старые обряды и книги первых пяти Российских патриархов, запечатлевает свою любовь соборным определением об учреждении единоверческих епископий. Докладчиком Собору по означенному вопросу от Отдела единогласно избран епископ Старицкий Серафим⁹⁵.

Это послание к старообрядцам с разъяснением смысла клятв должна была составить особая комиссия, в состав которой входили епископ Серафим (Александров), еп. Симон (Шлеев), А. Г. Куляшев и Н. И. Остроумов. Никаких следов работы над этим документом нам найти не удалось, в то время как черновой автограф еп. Серафима, озаглавленный «О снятии клятв патр. Макария и Собора 1656 года и издании Собором Послания с разъяснением порицательных выражений, содержащихся в полемических книгах прежних писателей противу раскола», сохранился. Как видно из текста, работа еп. Серафима свелась к тому, что он несколько сократил тезисы Предсоборного совета, убрав те положения, относительно которых членам Отдела не удалось прийти к общему мнению.

⁹⁴ *Клятвы*. 130–130об.

⁹⁵ *Клятвы*. 138–138об.

**Священному Собору Православной Российской Церкви
Докладчик еп. Старицкий Серафим**

Отдела по Единоверию и Старообрядчеству

**Доклад о снятии клятв патр. Макария и Московского Собора 1656 года
и издании Соборного Послания с изъяснением порицательных выражений,
содержащихся в полемических книгах прежних писателей противу раскола**

1. Восточные и другие православные пастыри, Афанасий, бывший патриарх Константинопольский, Макарий, патриарх Антиохийский, Григорий, митрополит Никейский, Гавриил, митрополит Сербский, Епифаний Славянецкий и другие, посетившие Москву в половине XVII века, обратили внимание на разности церковно-богослужебного чина и обряда Русской Церкви сравнительно с Церковью греческой. По свидетельству патриарха Никона, они «зазирали» эти разности как новшества, не имеющие для себя оснований ни в русской, ни тем более в греческой церковной древности.

2. Особое внимание Восточных иерархов привлекло двуперстное сложение руки для крестного знамения. Считая древним и всеобщим обычаем для крестного знамения в Православной Церкви только троеперстие, они русское двуперстие рассматривали как обычай армянский, по своему внутреннему знаменованию не чуждый еретических мыслей.

3. Отсюда Антиохийский патриарх Макарий, Сербский митрополит Гавриил и Никейский митрополит Григорий – в Неделю Православия 24-го февраля 1656 года, те же святители и Молдавский митрополит Гедеон – в своем письменном ответе патриарху Никону и, наконец, Русский Собор 23 апреля 1656 года, повелевая всем православным христианам молиться по изначальному преданию Восточной Церкви троеперстно, употребляющих двуперстие православных христиан подвергли отлучению и проклятию.

4. Указанные клятвы, сильно смущая совесть единоверцев и православных двуперстников, составляют в то же время преграду на пути к примирению старообрядцев с Православною Церковью. Неоднократные разъяснения и подтверждения со стороны Св. Синода о дозволенности и спасительности употребления в общении с Церковью старопечатных богослужебных книг и обрядов, ввиду соборного характера относящихся до них клятв, являются недостаточными и не достигающими цели, а посему клятвы, изреченные отдельными святителями (Антиохийским патриархом Макарием, Сербским митрополитом Гавриилом, Никейским митрополитом Григорием и Молдавским митрополитом Гедеоном) и Собором 1656 года, поскольку в этих клятвах усматривается возбранение самого употребления старых богослужебных чинов и обрядов, Собор отменяет.

5. В отношении порицательных выражений полемических книг, прежних писателей против раскола Священный Собор полагает благовременным обратиться к православной пастве и старообрядцам с новым изъяснительным посланием следующего содержания (см. прежние).

Мы видим, что в работе над этим проектом епископ Серафим пользовался текстом, подготовленным Предсоборным советом. Однако сокращения являются весьма значительными. Если клятвы 1656 года отменяются, то о Московском Соборе 1667 года здесь вообще нет речи. Однако никакого

юридического статуса этот документ не имеет – это не более, чем черновик, который не обсуждался Отделом и не был передан Соборному совету в качестве доклада. Иными словами, на него ни в коей мере не распространяется решение, которое Собор принял на последнем заседании:

Уполномочить Соборный совет все доклады, которые останутся не рассмотренными Собором, препроводить на разрешение Высшего Церковного Управления, а сему Управлению предоставить, по бывшим примерам, <право> вводить выработанные Отделами предначертания в жизнь по мере надобности полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях⁹⁶.

Доклад «О снятии клятв...» отсутствует и в архивном деле, содержащем все доклады, переданные отделами Соборному совету⁹⁷. Нет его в перечне подготовленных отделами проектов, который уже после закрытия Собора составил С. Г. Рункевич⁹⁸. Таким образом, доклад «О снятии клятв патр. Макария и Собора 1656 года и издании Собором Послания с разъяснением порицательных выражений, содержащихся в полемических книгах прежних писателей противу раскола» не был подготовлен и передан Собору. Между тем с легкой руки митрополитов Сергия (Страгородского) и Никодима (Ротова) из одной публикации в другую переходит утверждение, что Собор составил «проект соборного постановления об отмене клятв, и только отвлечение Собора в сторону внешнеорганизационных вопросов помешало ему превратить этот проект в окончательное соборное постановление»⁹⁹.

«Деяние архипастырей» от 10/23 апреля 1929 года

Теоретически после закрытия Собора вопросом о клятвах должен был заниматься Синод, однако никаких свидетельств об этом у нас нет. Как известно, значительную часть своих сил Синод тратил на борьбу за выживание церковной организации.

Совершенно неожиданно документ о снятии клятв на старые обряды был выпущен митрополитом Сергием (Страгородским) в 1929 году. О мотивах его принятия мы можем лишь строить предположения. По всей видимости, поиск путей сближения со старообрядцами объяснялся опасением, что они будут действовать сообща с теми церковными группировками, которые не признавали митрополита Сергия. И действительно, еще в октябре 1927 года в Уфе состоялось собрание, на котором была принята «Декларация церковников-общинников». Авторы этой декларации, с одной стороны, отреклись от «обновленцев (евдокимовцев)¹⁰⁰ и полуобновленцев (сергиан)¹⁰¹», а с другой – обращались к старообрядцам с призывом к единению¹⁰². Активность перешедшего в старообрядчество епископа Андрея (Ухтомского),

⁹⁶ *Обзор III*. 367.

⁹⁷ *Доклады отделов*.

⁹⁸ *Рункевич 1998*. 197.

⁹⁹ *Никодим 1971*. 71.

¹⁰⁰ Митрополит Евдоким (Мещерский) был председателем Обновленческого синода.

¹⁰¹ *Зеленогорский*. 208.

¹⁰² *Зеленогорский*. 210.

произошедший 4 ноября 1923 года переход в старообрядчество обновленческого архиепископа Николая (Позднева)¹⁰³, положившего начало иерархии Древлеправославной Церкви¹⁰⁴, подтолкнули митрополита Сергия предпринять определенные шаги навстречу старообрядчеству¹⁰⁵.

Сам митрополит Сергий рассказал об обстоятельствах подготовки этого документа в указе¹⁰⁶, при котором текст «Деяния архипастырей» рассылался архиереям. В этом указе Заместитель Патриаршего Местоблюстителя сообщает, что на заседании Синода он прочитал доклад, в котором говорилось, что вопрос о снятии клятв Собора 1666–1667 годов (о Соборе 1556 года здесь речь не идет) был поставлен уже давно. Снять клятвы постановило уже Предсоборное присутствие 1906 года (развернутый проект Предсоборного совета не упомянут), а затем и соответствующий Отдел Собора 1917–1918 года (на самом деле, как мы знаем, такой проект не был подготовлен). По версии митр. Сергия, Собор не успел заняться проблемой клятв лишь потому, что отвлекся в сторону «внешнеорганизационных вопросов». Далее митр. Сергий пишет, что отношение старообрядцев к Православной Церкви меняется, а потому вопрос о клятвах вновь стал актуальным. Поэтому следует, не дожидаясь нового Собора, решить этот вопрос, испросив мнение архиереев. Проект соответствующего деяния было поручено подготовить митр. Саратовскому Серафиму (Александрову), который, как мы помним, был назначен докладчиком по вопросу о клятвах. Составленный митр. Серафимом проект был подписан членами Синода, а затем разослан архиереям, которые должны были до 1 июля 1929 года письменно высказаться о том, является ли предложенный текст приемлемым. Если большинство отзывов окажутся положительными, то это деяние должно приобрести статус соборного решения.

Этот документ выглядит так:

**Деяние архипастырей Православной Св. Церкви в Союзе ССР,
возглавляемых Московской Патриархией¹⁰⁷**

В благочестивое святительство российских патриархов предпринято было исправление церковно-богослужбных книг и согласование церковных чинов и обрядов Русской Церкви с чинами и обрядами Церкви Восточной.

¹⁰³ *Вургафт*. 193–194.

¹⁰⁴ 16 сентября 1929 года к этой же ветви старообрядчества присоединился «непоминающий» епископ Стефан (Расторгуев). – *Вургафт*. 275.

¹⁰⁵ Упомянем в этой связи и такой сомнительный документ, как материалы так называемого «Кочующего Собора 1928 года», якобы принявшего такой канон: «Неправедные клятвы и проклятия на древлеправославный обряд и благочестие являются недействительными и отвратительными; Великий Московский Собор 1666–1667 гг. есть не “великий”, но русский разбойничий собор. Кто хулит древний обряд и благочестие: Анафема». Не ставя вопроса о том, чем пользовались составители этой фальшивки, согласимся с предположением публикатора этого документа о том, что митр. Сергий «обеспокоился возможным антисергианским альянсом “непоминающих” и старообрядцев, отчего спешно издал свое Деяние от 10/23 апреля 1929 г.». – *Амвросий*.

¹⁰⁶ «Акт по вопросу о снятии клятв 1666–1667 гг.». Указ Временного Патриаршего Синода от 28 апреля 1929 г. Пресвященному митрополиту Евлогию. – *Акты Московского Престола*. 3–4.

¹⁰⁷ *Акты Московского Престола*. 4–6.

Предпринятое с общего совета российских архипастырей и пастырей, как и с благословения Восточных патриархов, исправление это, однако, послужило поводом к образованию в Российской Церкви раскола старообрядческого, который вот уже почти три века разделяет русских верующих людей, составляя предмет глубокой скорби и непрестанных материнских забот нашей Св. Церкви.

В лице своих наиболее просвещенных архипастырей Святая наша Церковь прилагала усилия устранить всякие препятствия к уврачеванию раскола, всякие причины и поводы к нареканиям на нее, якобы она презирает старые обряды сами по себе и враждебно относится к содержащим их ревнителям благочестия.

Так, Святая наша Церковь благословила свободное употребление богослужебных книг, чинов и обрядов патриаршего времени, столь дорогих и излюбленных сердцу старообрядцев и по существу своему не имеющих в себе ничего противного православию.

Это признание православности старых обрядов и спасительности употребления их в союзе и общении со Св. Церковью с особенной ясностью выразилось в издании от лица Церкви «Увещения» (Православной Кафолической Церкви 1765 года) и в учреждении единоверия.

В учреждении единоверия выразились, с одной стороны, вся полнота любви Церкви к старообрядцам, а с другой – ее истинный взгляд на хранимый ими церковно-религиозный уклад.

Принимая в свое общение старообрядцев без малейшего нарушения хранимого ими церковно-религиозного уклада, Святая наша Церковь самым делом засвидетельствовала, что дорогие для старообрядцев богослужебные книги и обряды сами по себе ею признаются не противными православию и держащиеся этих книг и обрядов в общении с нею являются присными чадами ее – не пасынками, не пришельцами.

Так как ревнители старообрядчества возлагали на Церковь Православную вину ответственности за встречаемые в прежних полемических книгах порицательные выражения на старые обряды, то от лица Церкви издано было о сем в 1886 году «Изъяснение» (издано Св. Синодом). В этом «Изъяснении» заявлялось, что Православная Церковь признает содержащиеся в полемических противу раскола сочинениях прежнего времени порицательные отзывы и выражения на именуемые старые обряды принадлежащими лично писателям сих сочинений, сама же не разделяет и не подтверждает сих отзывов и выражений.

Ныне мы, архипастыри Св. Православной Церкви в СССР, как собравшиеся здесь в Москве под председательством Заместителя Патриаршего Местоблестителя, так и отсутствующие на сем собрании телом, но не духом (1 Кор. 5, 3; ср. 1 Вселенский Собор, правило 4), последуя притом голосу и суждениям прежде бывших православных архипастырей, пастырей и других тружеников на ниве Христовой, давно уже раздавшемуся в нашем православно-церковном обществе, выразившемуся наконец и официально – а) в постановлении особой комиссии VI Отдела Предсоборного присутствия 1906 года и, что особенно важно, – б) в постановлении Отдела Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви 1917–1918 годов по единоверию и старообрядчеству, и в тех же видах уврачевания церковных разделений из-за старых обрядов и для вящего успокоения тех, кои по благословию Церкви и в общении с нею употребляли и ныне употребляют названные обряды, рассудили и определили:

1) Отзыв о дорогих для старообрядцев богослужебных книгах и обрядах, данный от лица Святой Российской Церкви в книге «Увещения», в «Изъяснении» Св. Синода и в определении архипастырей Собора, бывшего в богоспасаемом граде Казани в лето от Рождества Христова 1885, разделяем и подтверждаем.

2) В частности, богослужебные книги, напечатанные при первых пяти Российских патриархах, признаем православными; свято хранимые многими православными единоверцами и старообрядцами церковные обряды по их внутреннему знаменованию и в общении со Св. Церковью – спасительными; двуперстие, слагаемое во образ Пресвятой Троицы и двух естеств в Господе нашем Иисусе Христе, – обрядом в Церкви прежнего времени несомненно употреблявшимся и в союзе со Св. Церковью благодатным и спасительным.

3) Поричательные выражения, так или иначе относящиеся до старых обрядов, в особенности до двуперстия, где бы оные ни встречались и кем бы ни изрекались, – отвергаем и яко не бывшие вменяем.

4) Клятвенные запреты, изреченные Антиохийским патриархом Макарием и вслед за ним подтвержденные Сербским митрополитом Гавриилом, Никейским митрополитами Григорием и Молдавским Гедеоном в феврале 1656 года, пастырями Российской Церкви на Соборе 23 апреля 1656 года, а равно и клятвенные определения Собора 1666–1667 гг., как послужившие камнем преткновения для многих ревнителей благочестия и поведшие к расколу нашей Святой Церкви, – мы, руководствуясь примером самого же Собора 1666–1667 гг., отменившего клятвенные постановления Собора Стоглавого, по данной нам от Всесвятого и Животворящего Духа власти вязать и решить, разрушаем и уничтожаем и яко не бывшие вменяем.

5) Ввиду того, что вышеупомянутые клятвы наложены с участием Восточных патриархов и других святителей поместных Церквей, мы поручаем Заместителю Патриаршего Местоблюстителя или тому, кто будет после него возглавлять православную иерархию Московского Патриархата, обратиться к патриархам и другим предстоятелям Православных Поместных Автокефальных Церквей с посланием о том, чтобы и они братски единомысленно приняли настоящее наше определение и своим согласием его утвердили.

Бог же мира Своєю неизреченною милостью и Своими неисповедимыми судьбами да умягчит наши сердца, болящие раздором; да уврачует язву разделения, удручающую до сих пор всех истинных чад Св. Церкви, и да приведет расставшиеся паки во едино во исполнение молитвы Самого возлюбленного Сына Своего, нашего Спасителя и Господа: *да вси едино будут, якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе... да и мир веру имет, яко Ты Мя послал еси* (Ин. 17, 21). Еже буди, буди. Аминь.

В связи с этим текстом возникает немало вопросов. Во-первых, несмотря на декларирование преемственности по отношению к Собору 1917–1918 гг., «Деяние» носит куда более радикальный характер. Как мы помним, в проекте 1918 года ничего не говорится об отмене клятв Московского Собора 1666–1667 годов, поскольку члены Отдела о единоверии и старообрядчестве не пришли по этому вопросу к единому мнению. При этом одним из наиболее последовательных противников снятия клятв Большого Московского Собора был как раз митрополит Серафим. Еще труднее объяснить, почему в «Деянии» нет ссылок на наиболее близкий к «Деянию» документ – проект Предсоборного совета 1917 года, предполагавший снятие клятв 1656 и 1666–1667 годов, хотя имеется совершенно не обязательная ссылка на работы Предсоборного присутствия 1906 года.

Неясна и дальнейшая судьба этого документа. Как отозвались архиереи, получившие текст этого «Деяния»? Каким был его статус после 1 июня 1929 года? Обрел ли этот проект статус полноценного акта Высшей церковной

власти? Ответа на эти вопросы нет, вернее, есть разные ответы. Митрополит Никодим (Ротов) в своем докладе на Соборе 1971 года исходит из того, что «Деяние» – полноценный акт Высшей церковной власти¹⁰⁸. С другой стороны, епископ Андрей (Ухтомский) утверждал, что после того, как старообрядцы стали ссылаться на него, «сергиевские» священники стали говорить, что это не официальный акт, а всего лишь проект¹⁰⁹. Председатель духовной комиссии старообрядцев Латвии А. В. Екимов, пытаясь узнать о судьбе этого проекта, запросил Патриарший Синод, митрополита Елевферия (Богоявленского) и издателя парижского «Церковного Вестника» прот. Н. Сахарова, напечатавшего «Деяние» на страницах своего журнала. На запрос А. В. Екимова митр. Елевферий ответил, что это дело находится в процессе разрешения, а потому в настоящее время (1929–1930 гг.) «Деяние архипастырей» является лишь проектом. Прот. Н. Сахаров утверждал, что принципиально вопрос уже решен, запрошены все автокефальные Православные Церкви и в ближайшее время следует ожидать окончательного формального акта¹¹⁰.

Если старообрядцев смущал статус этого документа, то Зарубежная Церковь признавала это решение состоявшимся. В протоколе заседания Архиерейского Синода от 18/31 декабря 1929 года читаем:

Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей:

Слушали: Представленный Преосвященным епископом Нестором (Анисимовым) при письме от 18 октября 1929 г. акт Московской церковной власти о снятии клятв Собора 1666 и 1667 гг.

Постановили: Упомянутый акт доложить предстоящему Собору архиереев Русской Православной Церкви Заграницей, для чего передать в Соборную канцелярию выписку из сего определения с приложением акта¹¹¹.

Реакция старообрядцев на «Деяние архипастырей» 1929 года

Старообрядцы среагировали на появление «Деяния архипастырей» довольно прохладно. Во-первых, это решение казалось сильно запоздалым.

Было время, 25 лет назад, когда государственная власть сняла церковные запреты со старообрядцев, но церковная власть после того едва только приступила к проекту, не осуществленному до сих пор. Государственная власть готова была дать старообрядцам право «исповедания и проповедания веры», и старообрядцы сами того желали, а церковная <...> право проповедания вычеркнула. 18 лет назад старообрядцы, приемлющие священство Белокриницкой иерархии и имевшие в то время 19 епархий, возглавлявшихся епископами, с особым нетерпением ждали снятия клятв или анафем 1667 года. Но тогда дело не подвинулось с мертвой точки и о нем никто из воинствующей государственной Церкви говорить не хотел. Не сдвинулось оно и в 1917 году на Поместном Соборе¹¹².

¹⁰⁸ Никодим. 72.

¹⁰⁹ Зеленогорский. 223.

¹¹⁰ Екимов. 67–68.

¹¹¹ Определения 1930. 3.

¹¹² Екимов. 69.

Кроме того, старообрядцы не могли понять, почему этот проект остается никому не известным. И действительно, единственная официальная публикация этого «Деяния» была осуществлена протоиереем Н. Сахаровым в издаваемом им в Париже «Церковном вестнике». В Россию этот журнал, конечно же, не попадал, а начавший издаваться в Москве в 1931 году «Журнал Московской Патриархии» о «Деянии архипастырей» даже не упомянул.

О том, что текст «Деяния» оставался практически никому не известным и священники, принадлежавшие к юрисдикции митр. Сергия, о нем не знали, писал и архиепископ Андрей (Ухтомский). По его версии, замалчивание этого документа началось после того, как старообрядцы начали ссылаться на него в полемических целях.

Тогда, – пишет епископ Андрей, – «смиранный» Сергей и все его остальные «смиранные» начали прятать свое «Деяние» от всех мыслящих людей и уверять, что это еще совсем не настоящее «Деяние», а только проект и что сами эти «смиранные» на такое доброе дело «без Собора» решиться никак не могут¹¹³.

Среди причин, по которым старообрядцы с недоверием относились к «Деянию», было и то, что в тропаре святителю Димитрию Ростовскому он назван «раскола искоренителем», тогда как «Деяние» объявляет «небывшими» встречающиеся в антистарообрядческих сочинениях «порицательные выражения»¹¹⁴.

Забегая вперед, скажем, что эту проблему пытался в 1958 году решить епископ Афанасий (Сахаров), который попытался исправить этот тропарь, исключив оскорбительные для старообрядцев выражения. Вместо слов тропаря: «*Православия ревнителю и раскола искоренителю, Российский целебниче и новый к Богу молитвенниче, списаньми твоими буйх уцеломудрил еси, цевнице духовная, Димитрие блаженне...*» – епископ Афанасий предлагал петь так: «*Православия ревнителю, житий святых списателю и о Русской земле молитвенниче, писаниями твоими нас улаждаеши, свирель духовная, Димитрие блаженне...*» Однако эти исправления так и не были приняты¹¹⁵.

Как бы то ни было, но никаких встречных шагов со стороны старообрядцев тогда не последовало. В лучшем случае они видели в снятии клятв акт доброй воли, но не больше. Старообрядчество никогда не считало, что оно находится под клятвами.

Что же касается **внутреннего, канонического значения** вопроса о признании или непризнании клятв и их снятия с точки зрения старообрядческой, то принципиально, ввиду возникших уже толков, Духовная комиссия Центрального комитета старообрядцев в Латвии в заседании своем

¹¹³ Зеленогорский. 223.

¹¹⁴ Екимов. 68. Напомним, что еще в подписанном Николаем II 17 апреля 1905 года указе «Об укреплении начал веротерпимости» говорилось: «Присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольников, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы Церкви Православной, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам».

¹¹⁵ Кравецкий и Плетнева 2001. 257; Кравецкий 1996. 179–183. Интересно, что, защищая свою позицию, еп. Афанасий не упоминает «Деяния архипастырей 1929 года».

23 сентября 1929 года вынесла постановление следующее: «Произнесенная клятва врагами истины падает на самих проклинавших, а потому старообрядцы как не признавали, так и не признают как наложенные на них клятвы Соборами 1656–1666–1677 гг., так же и снятие их»¹¹⁶.

Отмена клятв Собором 1971 года

Окончательное разрешение клятв Собора 1667 года, на котором присутствовали Восточные патриархи, мог произвести лишь такой Собор, на котором бы также присутствовали представители Вселенской Церкви. Такой Собор состоялся летом 1971 года.

Мотивы, которыми руководствовался митрополит Никодим (Ротов) – инициатор этого решения – были совсем иными, нежели те, которыми руководствовались члены Отдела о единоверии и старообрядчестве в 1917–1918 годах. Если члены Собора и участники предсоборных дискуссий считали старообрядцев объектом миссионерского воздействия, то в 70-е годы взаимоотношения с приверженцами древних чинов рассматривались в контексте межхристианского диалога. Еще постановлением Синода от 16 декабря 1969 года священникам было разрешено в случае необходимости совершать над старообрядцами и католиками церковные Таинства:

Имели суждение о различных случаях, когда старообрядцы и католики обращаются в Православную Церковь за совершением над ними святых Таинств.

Постановили: В порядке разъяснения уточнить, что в тех случаях, когда старообрядцы и католики обращаются в Православную Церковь за совершением над ними святых Таинств, это не возбраняется¹¹⁷.

Возможность причащения старообрядцев вновь ставила вопрос о клятвах. Как известно, 7 декабря 1964 года патриарх Афинагор и папа Павел VI сняли взаимные отлучения¹¹⁸, произнесенные в 1054 году папскими легатами и Константинопольским патриархом Михаилом Керуларием¹¹⁹. Об отмене же клятв на придерживающихся старых обрядов, сделанной в 1929 году, мало кто помнил, да и сам акт 1929 года вызывал определенные недоумения.

Сохранилась запись¹²⁰ о встрече группы старообрядцев с митрополитом Никодимом (Ротовым). Целью этой неофициальной беседы было налаживание

¹¹⁶ Екимов. 69.

¹¹⁷ «ЖМП». 1970. № 1. С. 5.

¹¹⁸ Юдин 2001. 204.

¹¹⁹ В литературе высказывалось мнение о том, что конкордат, заключенный в 1847 году между Николаем I и папой Григорием XVI, предусматривал, что Русская Церковь будет совершать таинства и требы над католиками, сосланными в Сибирь за участие в польском восстании, причем Синодом было издано соответствующее распоряжение (см.: Боровой 1998. 113). Однако никаких материалов, подтверждающих это предположение, нам не удалось обнаружить.

¹²⁰ Прот. Владимир Лютик. О встрече старообрядческих деятелей, которые приезжали в Ленинград для встречи с Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Никодимом, Митрополитом Ленинградским и Новгородским. 29 июля 1970 г. – *Старообрядцы* 1970. В беседе участвовали наставник Каунасской общины И. И. Никитин, председатель Высшего Старообрядческого Совета И. И. Егоров и председатель Рижской общины Л. И. Михайлов.

контактов. Старообрядцы хотели иметь возможность поступать в духовные заведения Московской Патриархии, помещать материалы в «Журнал Московской Патриархии», а также участвовать в миротворческой деятельности. Участие в борьбе за мир могло стать серьезным козырем при переговорах представителей старообрядческих общин с государственными чиновниками. Во время этой встречи встал и вопрос о клятвах:

Егоров Иван Исаевич, председатель Высшего Старообрядческого Совета, выражал благодарность Владыке митрополиту и возлагал надежду на помощь Божию на единение. Говорил о том, что клятвы, наложенные Соборами 1666 и 1667 гг., их тяготят, и они как бы обижены и не имеют возможности единения (общения), что является самым важным вопросом. Были случаи, когда они бы хотели поговорить со священником РПЦ, а тот им в ответ: «да ведь вы прокляты Собором», и они со слезами уходят от встречи¹²¹.

При подготовке Поместного Собора 1971 года вопрос о снятии клятв не обсуждался¹²². Драматические споры и самиздатовская полемика накануне Собора 1971 года касалась исключительно церковно-государственных отношений. О том, что вопрос о клятвах на старые обряды не казался участникам Собора актуальным, свидетельствуют воспоминания архиепископа Василия (Кривошеина). Достаточно подробно описывая деяния этого Собора, он лишь однажды упомянул о докладе митрополита Никодима по поводу снятия клятв, посетовав, что это «было довольно утомительно для слушателей, уставших от предшествующего длинного доклада»¹²³.

Между тем доклад митрополита Никодима представляет собой чрезвычайно интересное введение в историю этого вопроса. В нем описаны и проанализированы обстоятельства, при которых клятвы были наложены. При этом, в отличие от своих предшественников, митр. Никодим не сомневается в том, что прокляты были именно обряды, а не те, кто, вопреки повелениям церковной власти, им следовал.

Признавая за Собором 1656 года право замены одного обряда другим, – говорил митрополит Никодим, – справедливости ради мы все же должны признать приведенные Собором основания для замены двуперстия на троеперстие более чем сомнительными, а следовательно, и клятву, положенную на двуперстников, как «еретиков», совершенно неосновательной. Беспристрастный голос русской церковной истории к тому же свидетельствует, что двуперстное крестное знамение у православных русских людей, включая единоверцев и старообрядцев, всегда было, есть и, несомненно, будет церковным обрядом, выражающим православное учение веры¹²⁴.

¹²¹ *Старообрядцы 1970*. 16–17.

¹²² В просмотренных нами материалах этого Собора, хранящихся в фондах Совета по делам РПЦ (*Записки 1971*, *Собор 1971*, *Письма 1971*, *ПК–1971*), нет никаких намеков на обсуждение этой темы.

¹²³ *Василий 1998*. 422.

¹²⁴ *Никодим 1971*. 65.

В своем докладе митрополит Никодим привел почти полный текст «Деяния архипастырей» 1929 года, причем совершенно очевидно, что все сведения об обсуждении проблемы клятв на Соборе 1917–1918 годов митр. Никодим заимствует из указа митрополита Сергия (Страгородского). Выше мы уже говорили, что документ 1929 года ссылается на решение Предсоборного присутствия и не упоминает материалов Предсоборного совета 1917 года. Митрополит Никодим здесь следует за митр. Сергием, то есть ссылается на опубликованные протоколы Предсоборного присутствия. Несмотря на то, что никаких окончательных решений и проектов в них нет (такое решение принял, как мы знаем, Предсоборный совет), митр. Никодим тем не менее пишет:

Из вышеизложенного мы видим, что Поместный Собор 1917–1918 гг. должен был вынести определенное постановление о клятвах Патриарха Макария и Московских Соборов 1656 и 1667 гг. Соответствующий Отдел Поместного Собора составил «проект соборного постановления об отмене клятв, и только отвлечение Собора в сторону внешнеорганизационных вопросов помешало ему превратить этот проект в окончательное соборное постановление¹²⁵.

Объяснить этот пассаж можно лишь тем, что докладчик пытался на основе доступных ему документов обосновать ту концепцию, которая содержалась в «Деянии архипастырей» 1929 года. Поскольку там содержалась ссылка на Предсоборное присутствие, а не на Предсоборный совет, митр. Никодим оказывается вынужденным приписать материалам Предсоборного присутствия статус, которым они не обладали.

На основании доклада митрополита Никодима Собором было принято следующее определение:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Собравшийся в Троице-Сергиевой Лавре в Загорске Поместный Собор Русской Православной Церкви счел благовременным подвергнуть соборному рассмотрению решения Поместных Соборов Русской Православной Церкви: Московского 1656 года и Большого Московского 1667 года в части, касающейся наложения ими клятв на старые русские обряды и на употребляющих их.

Как известно, в период первосвятительского служения Святейшего Патриарха Московского Никона (1652–1666) Высшей Церковной властью Московского Патриархата были предприняты усилия по установлению единообразия употребляемых в Русской Православной Церкви богослужебных чинов и обрядов с таковыми же, употребляемыми в греческих Православных Церквях. Это исправление хотя и было предпринято в соответствии с мнением на сей счет большинства архиереев и пастырей Русской Православной Церкви и при поддержке ее Предстоятелями и архиереями четырех Восточных Патриархатов, однако встретило серьезную оппозицию в русских церковных кругах.

Создавшееся в Русской Православной Церкви положение было предметом озабоченности Московского Собора 1656 года, который наложил клятву на употребляющих двуперстное крестное знамение, и Большого Московского

¹²⁵ Никодим 1971. 71.

Собора 1667 года, наложившего клятву на всех, не приемлющих церковные исправления Патриарха Никона, и на расколоучителей, активно выступающих против единства Церкви. На основании определений этих Соборов упорствующие последователи старых обрядов были отсечены от Церкви, и образовался раскол, называемый старообрядческим, который вот уже более трехсот лет продолжает составлять предмет глубокой скорби и озабоченности Русской Православной Церкви.

Необоснованность суждений Соборов 1656 и 1667 гг. о старых обрядах дониконовских времен, как о якобы содержащих еретический смысл, давала повод усматривать в клятвенных запретах и определениях этих Соборов осуждение старых обрядов самих по себе. Между тем из неоднократных разъяснений, сделанных авторитетными иерархами Русской Православной Церкви и ее Святейшим Синодом, вполне очевидно, что подлинная цель соборных прещений Соборов 1656, 1666 и 1667 гг. заключалась в противодействии тем вождям раскола, которые, осуждая исправленные при Патриархе Никоне книги, чины и обряды, проявили свое противление Церкви, порицая содержимые ею обряды и употребляя исключительно обряды старые (см. «Изъяснение» Святейшего Синода от 1886 г.).

Наиболее просвещенные иерархи Русской Православной Церкви, предпринимавшие возможные действия для устранения препятствий к уврачеванию раскола, понимали, что средостение, возникшее в связи с клятвенными определениями Соборов 1656 и 1667 гг., должно быть устранено.

В известном «Увещании Православной Кафолической Церкви», увидевшем свет в 1765 году, говорилось о признании православности старых обрядов и спасительности употребления их.

VI Отдел Предсоборного присутствия 1906 года вынес постановление – ходатайствовать перед будущим Поместным Собором Русской Православной Церкви об отмене этих клятв.

Об этом же говорило постановление Отдела по единоверию и старообрядчеству Поместного Собора 1917/18 гг. В целях уврачевания церковных разделений из-за старых обрядов и наибольшего успокоения совести употребляющих их в ограде Русской Православной Церкви Патриарший Священный Синод под председательством Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященного Митрополита Нижегородского Сергия 23 (10) апреля 1929 года подтвердил православие богослужебных книг, напечатанных при первых пяти Российских патриархах. Старые русские обряды были засвидетельствованы как спасительные. Порицательные выражения о старых обрядах были отвергнуты. Клятвенные запреты Соборов 1656 и 1667 гг. отменены, яко не бывшие.

Мы, составляющие Поместный Собор Русской Православной Церкви, равносильный по своему достоинству и значению Московскому Собору 1656 года и Большому Московскому Собору 1667 года, рассмотрев вопрос о наложенных этими Соборами клятвах с богословской, литургической, канонической и исторической сторон, торжественно определяем во славу Всесвятого Имени Господа нашего Иисуса Христа:

1. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им.

2. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об отвержении и вменении, яко не бывших,

порицательных выражений, относящихся к старым обрядам и в особенности к двуперстию, где бы они ни встречались и кем бы они ни изрекались.

3. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 года об упразднении клятв Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православноверующих христиан, и считать эти клятвы, яко не бывшие.

Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви любовью объемлет всех свято хранящих древние русские обряды, как членов нашей Святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами, но свято исповедующих спасительную православную веру.

Освященный Поместный Собор Русской Православной Церкви свидетельствует, что спасительному значению обрядов не противоречит многообразие их внешнего выражения, которое всегда было присуще древней неразделенной Христовой Церкви и которое не являлось в ней камнем преткновения и источником разделения.

Всесвятая и Живоначальная Троица – Отец, Сын и Святой Дух – да утвердит православное единомыслие употребляющих равноспасительные новые и старые обряды, и да пребывает среди всех нас любовь Христа Господа, Который умер за всех нас, дабы мы примирились с Богом и, примирившись, спаслись (Рим. 5, 8, 10).

Да приведет Господь расстаящая паки воедино, и в любви друг ко другу да исповедуем и славим едиными устами и единым сердцем Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную¹²⁶.

В отличие от Собора 1917–1918 годов, не говоря уж о митр. Сергии (Страгородском) и его Синоде, Собор 1971 года, в работе которого участвовали представители Восточных патриархов, мог объявить себя равнозначным Собору 1667 года и пересмотреть его решения. Так что легитимность этого определения едва ли может быть оспорена.

Реакция старообрядцев на решение Собора 1971 года

В отличие от участников Собора 1917–1918 годов, митр. Никодим не рассматривал отмену клятв как миссионерское дело. В его докладе лишь выражалась надежда, что это деяние «послужит в дальнейшем более тесному соединению и общению старообрядцев и новообрядцев в духе любви Христовой»¹²⁷.

Отпечатанное на множительном аппарате, это деяние рассылалось по старообрядческим общинам вместе с «Изъяснительным посланием», в котором, в частности, говорилось:

Это Деяние явилось результатом послушания Духу Святому священноначалия, клира и верующего народа Русской Православной Церкви. Божественная любовь призывает нас к уврачеванию хотя и старых, но все еще болезнетворных ран, причиной возникновения которых, по нашему убеждению, во многом явилось надмение мирской власти,

¹²⁶ Деяние 1971.

¹²⁷ Никодим 1971. 73.

некогда вмешавшейся в то, чему судьей быть может лишь милосердный Бог. Предпринятое Освященным Собором Московского Патриархата Деяние не имеет в виду ущемления свободы христианского звания, устава и обычая кого бы то ни было, но исходит из горячо желаемого нами восстановления со старообрядческими братьями единства во Христе, Сыне Божиим, Духом Святым в единомысленной молитве Отцу всех Богу¹²⁸.

Реакция старообрядцев на это решение была более или менее сдержанной. Вот как описывает обсуждение этого текста членами Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины Б. А. Успенский:

В Гребенщиковскую общину, как и в другие старообрядческие центры, пришло послание митрополита Никодима (Ротова), извещающее о снятии клятв и призывающее восстановить утраченное единство. Автор присутствовал при обсуждении ответа митрополиту Никодиму. Сущность ответа сводилась к следующему: 1) Старообрядцы Гребенщиковской общины приветствуют снятие клятв, но отмечают при этом, что этот шаг может иметь значение прежде всего для господствующей Церкви: будучи ложными, эти клятвы не могли иметь отношения к старообрядцам, однако они имели самое прямое отношение к господствующей Церкви, поскольку ложные клятвы падают на голову дающего. 2) Старообрядцы с удовлетворением отмечают снятие клятв, наложенных Собором 1666–1667 гг. на тех, кто крестится двумя перстами; при этом они считают необходимым отметить, что тем самым сохраняет свою силу предшествующее соборное решение по вопросу о перстосложении, а именно, решение Стоглавого Собора 1551 г., предавшего проклятию тех, кто не крестится двумя перстами¹²⁹.

Мысль о том, что снятие клятв актуально для «господствующей Церкви», которая осознала свою ошибку, в то время как старообрядцы и не сомневались в спасительности старых обрядов, неоднократно встречается в документах, касающихся решений Собора 1971 года. Старообрядческие общины говорили о готовности к сотрудничеству во всех областях, не имеющих отношения к церковным таинствам.

Своим решением, имеющим большое историческое значение, Собор 1971 года несомненно внес ценный вклад во взаимоотношения чад единого русского народа, во взаимоотношение обеих Церквей – Старообрядческой Поморской и Русской Патриаршей. Далее: Деяние Собора усматривает – как результат решения об упразднении клятв на древние обряды – достижение духовного единства со старообрядцами, о соединении «расстоявшихся паки едино». Это, со старообрядческой точки зрения, сложный вопрос. Ведь не только клятвы являлись препятствием к достижению духовного единства разделившихся вследствие реформ патриарха Никона русских братьев. Тут камнем преткновения послужило признание Патриаршей Церковью никоновских реформ, породивших новые обряды, новые чиноположения и отречение от древних. А точка зрения старообрядцев, широко и основательно изложенная в «Поморских ответах»,

¹²⁸ *Старообрядцы 1971*. 22.

¹²⁹ *Успенский 2002*. 367–368.

не дает повода считать новые обряды «равночестными» со старыми или «равноспасительными». Старообрядцы, лишившись иерархических членов и оставаясь в Церкви Христовой, страдали не за «противление Церкви», а за соблюдение древних обрядов, древних чиноположений, за неприятие новопечатных никоновских книг. Приветствуя решение Собора 1971 года о снятии клятв и принимая это как проявление доброй воли по отношению к старообрядчеству, как важный шаг в нормализации взаимоотношений, мы рады сотрудничать с Русской Патриаршей Церковью в областях, не затрагивающих внутренних устоев Поморской Церкви¹³⁰.

Деяние 1971 года не решило проблемы сближения со старообрядцами. Разделение было слишком долгим для того, чтобы надеяться на его прекращение при помощи одного акта¹³¹.

Зарубежная Церковь и проблема отмены клятв¹³²

Насколько можно судить по публикациям, вплоть до 1964 года Зарубежную Церковь проблема снятия клятв не особенно интересовала. Как мы уже говорили выше, в конце 1929 года Архиерейский Синод, ознакомившись с «Деянием архипастырей», постановил сообщить об этом документе предстоящему Собору, однако никаких решений тогда, по всей видимости, принято не было.

Первое известное нам обсуждение вопроса о клятвах относится к лету 1964 года¹³³. Возник вопрос в связи с проблемами единоверческих приходов и был разрешен в духе дореволюционных синодальных разъяснений:

Бывшие ранее прещения против старообрядцев, – читаем мы в этом определении, – могут распространяться только на тех из них, которые придерживаются ошибочного мнения, будто Русская Церковь уклонилась в ересь, и которые отрицают каноническую власть и благодатность ее священства¹³⁴.

Через несколько дней после этого Архиерейский Синод указом от 26 августа (8 сентября) 1964 года признал старые обряды православными и благословил их употребление¹³⁵. К сожалению, нам не удалось познакомиться с текстом этого определения, поэтому мы не знаем, чем оно отличается от разрешения служить по старым книгам, которое было дано при учреждении единоверия.

Вплоть до 1974 года Зарубежная Церковь специально не занималась проблемой клятв на старые обряды. Обращением к этой теме зарубежные иерархи обязаны А. И. Солженицыну. Дело в том, что на заседании Третьего

¹³⁰ *Старообрядцы 1972*. 4.

¹³¹ Об отношении старообрядцев к проблеме снятия клятв см.: *Об отлучении*.

¹³² К сожалению, доступный нам объем источников, касающихся отношения РПЦЗ к вопросу о снятии клятв, крайне ограничен. Соответствующую библиографию см.: *Зайде 1983*. 149–152.

¹³³ В заседании Архиерейского Синода 19 июля / 1 августа.

¹³⁴ *Определения 1964*. 41.

¹³⁵ *Определение 1974*.

Всезарубежного Собора¹³⁶ было зачитано письмо к членам Собора¹³⁷, которое А. И. Солженицын составил по просьбе митр. Филарета (Вознесенского)¹³⁸. В числе тем, о которых писал Солженицын отцам Собора, был вопрос о покаянии перед старообрядцами. Солженицына не интересуют исторические и юридические аспекты этого акта. Для него очевидно лишь то, что гонитель должен покаяться перед гонимым.

Я осмелюсь остановить внимание собравшихся еще на <...> дальнем, трехсотлетнем грехе нашей Русской Церкви, я осмелюсь полнозвучно повторить это слово – **грехе**, еще чтоб избегнуть употребить более тяжкое, – грехе, в котором Церковь наша – и весь православный народ! – **никогда не раскаялись**, а значит, в грехе, тяготевшем над нами в 17-м году, тяготеющим поныне и, по пониманию нашей веры, могущим быть причиной кары Божьей над нами, неизбытой причиной постигнувших нас бед. Я имею в виду, конечно, русскую инквизицию: потеснение и разгром устоявшегося древнего благочестия, угнетение и расправу над 12 миллионами наших братьев, единоверцев и соотечественников¹³⁹.

Протопресвитер Георгий Граббе, комментируя письмо Солженицына¹⁴⁰, сказал, что тот несколько идеализирует старообрядцев, что Синод разъяснил клятвы еще в 1881 году, а опыт единоверия показал, что возможно следовать старым обрядам, но не быть в расколе. Из выступления прот. Георгия Граббе следовало, что Собор не планирует принимать каких-либо решений, посвященных старообрядцам. Однако на последнем заседании протоиерей Дмитрий Александров выступил с внеочередным заявлением о том, что Собору следовало бы объявить о снятии клятв. Это предложение было передано на разрешение архиерейского Собора, который собрался менее чем через неделю и выпустил соответствующее определение.

Этот документ начинается перечнем причин, по которым клятвы 1656–1667 годов должны быть отменены. Здесь говорится о том, что Церковь всегда допускала разнообразие обрядов и обычаев, что старые обряды не содержат в себе ничего еретического, что фактически запрет старых обрядов перестал действовать после того, как в 1800 году было учреждено единоверие и что многие иерархи и церковные учреждения занимались проблемой снятия клятв. История обсуждения этих проблем накануне Собора 1917–1918 годов излагается точно так же, как это делали митр. Сергей (Страгородский), а затем и митр. Никодим (Ротов): снова ничего не говорится о тезисах Предсоборного совета и сообщается о том, что «Собор 1917–1918 годов, хотя и не оставил по этому вопросу соборного деяния (так как не имел возможности спокойно закончить свои занятия), однако решил, по свидетельству митрополита Антония, отменить эти клятвы»¹⁴¹. Само определение выглядит следующим образом:

¹³⁶ 30 августа / 12 сентября 1974 г.

¹³⁷ *Собор 1974*. 16.

¹³⁸ *Собор 1974*. 6.

¹³⁹ *Собор 1974*. 9.

¹⁴⁰ *Собор 1974*. 13–14.

¹⁴¹ *Определение 1974*.

Собор Епископов Русской Православной Церкви Заграницей определяет:

1. Почитать древние богослужебные обычаи и обряды, содержащиеся в богослужебных книгах Русской Церкви до середины XVII столетия, православными и спасительными.

2. Запрещения и клятвы, наложенные в прошлом на содержащих эти обычаи Соборами 1656 и 1667 годов, а также отдельными лицами, как положенные по недоброму разумению участниками этих Соборов, считать недействительными, отмененными и яко не бывшими.

3. Разрешить употребление старых обрядов для желающих соблюдать их и находящихся в общении с Православной Церковью, с тем, однако, чтобы от этого не происходило замешательства в церковной жизни существующих приходов Русской Православной Церкви Заграницей.

4. От желающих быть принятыми в церковное общение старообрядцев не требовать отречения от старых обрядов и принятия ими современных. Поставлять им священников, а если нужно, и епископов, которых обязать в точности исполнять древний чин.

5. Призывать старообрядцев, с их стороны, почитать наши обряды равночестными со старыми.

6. Скорбя о происшедшем разделении, в особенности о бывших гонениях на приверженцев старых обрядов, Собор Епископов, однако, не считает себя вправе судить об ответственности отдельных лиц за происшедшее, так как участники этих событий все давно предстали пред судом Божиим, которому и должны дать ответ за свои дела. Русская Православная Церковь Заграницей никогда не участвовала во враждебных действиях против старообрядцев. Поэтому Собор Епископов обращается к старообрядцам с призывом забыть прежние обиды и несправедливости и вместо того, чтобы помнить зло, подумать о том, как устроить наилучшим образом свою церковную жизнь в изгнании для спасения христианских душ.

7. Собор Епископов призывает всех православных христиан не возобновлять, по мнимой ревности о Православии, ненужных обрядовых споров, а в особенности не повторять недопустимых порицательных выражений, так как и те и другие обряды священны. Такие выражения, где бы и кем бы они ни были употреблены в прошлом, Собор Епископов отмечает и вменяет яко не бывшие.

В октябре 2000 года Собор Зарубежной Церкви выпустил обращение к старообрядцам, в котором просит у них прощение за гонения и притеснения.

Мы глубоко сожалеем о тех жестокостях, которые были причинены приверженцам Старого Обряда со стороны гражданских властей, которые вдохновлялись и некоторыми из наших предшественников в иерархии Русской Церкви... Простите, братья и сестры, наши прегрешения, причиненные вам ненавистью. Не считайте нас сообщниками в грехах наших предшественников, не возлагайте горечь на нас за невоздержанные деяния их. Хотя мы потомки гонителей ваших, но неповинны в причиненных вам бедствиях. Простите обиды: чтобы и мы были свободны от упрека, тяготеющего над нами. Мы кланяемся вам в ноги и препоручаем себя вашим молитвам. Простите оскорбивших вас безрассудным насилием, ибо нашими устами они раскаялись в соделанном вам и испрашивают прощения... В XX веке на Православную Российскую Церковь обрушились новые преследования, теперь уже от рук богоборческого режима... Мы со скорбью признаем, что великое

гонение нашей Церкви в прошедшие десятилетия отчасти может быть и Божиим наказанием за преследование чад Старого Обряда нашими предшественниками. Итак, мы сознаем горькие последствия событий, разделивших нас и тем самым ослабивших духовную мощь Русской Церкви. Мы торжественно провозглашаем свое глубокое желание исцелить нанесенную Церкви рану¹⁴².

Зачем хотели снять клятвы со старообрядцев в начале и в конце XX века

История отмены клятв на старые обряды чрезвычайно характерна. Когда в начале XIX века в связи с учреждением единоверия эта проблема была впервые поставлена, то в этом акте видели не способ сближения со старообрядцами (перспективы такого сближения тогда никто не рассматривал всерьез), а возможность создания своеобразной унии старообрядцев с Синодальной Церковью. Придерживающиеся дониконовских чинов единоверческие приходы должны были стать промежуточным звеном на пути из старообрядчества в православную Церковь. Однако признание дониконовских обрядов такими же спасительными, как и никоновских было невозможно, поскольку они находились под соборными клятвами. Лишь сняв клятвы 1656–1667 годов или же доказав, что к единоверцам эти клятвы отношения не имеют, можно было убеждать старообрядцев переходить в единоверие. Не случайно вопрос о клятвах вставал на миссионерских собраниях именно тогда, когда речь шла о «противораскольнической миссии».

Как одна из сложнейших проблем церковной жизни, клятвы 1656–1667 годов обсуждались и в ходе предсоборных дискуссий, и на самом Соборе 1917–1918 гг. Вопрос по-прежнему решался в чисто миссионерском аспекте. Больше всего участники дискуссии опасались, что снятие клятв даст старообрядцам повод утвердиться в собственной правоте. Именно с такой установкой связаны трудности обсуждения этого вопроса.

Окончательное решение проблемы клятв пришлось совсем на иную эпоху. В 70-е годы XX века полемика со старообрядцами уже не воспринималась как миссионерская задача. Для всех христиан страны советом общим противником был материализм и атеизм. Отношение церковной интеллигенции к старообрядчеству формировалось благодаря работам Н. Ф. Каптерева¹⁴³, Е. Е. Голубинского¹⁴⁴, С. Зеньковского¹⁴⁵, а также благодаря публикациям старообрядческих первоисточников как памятников древнерусской литературы. Читателю 70-х годов намного легче было найти сочинения протопопа Аввакума, чем, например, творения Иоанна Златоуста.

Церковное сознание 70-х годов видело в клятвах 1656–1667 годов лишь историческую несправедливость. Идея о том, что текстологическая база и декларации инициаторов никоновской sprawy были, мягко говоря, небезупречными, постепенно становилась все более популярной. Необходимость

¹⁴² Цит. по: <http://www.rocor.org.au/word/russian/issues/00nov/3.html>

¹⁴³ *Каптерев I–II, Каптерев 1913.*

¹⁴⁴ *Голубинский 1905.*

¹⁴⁵ *Зеньковский 1970.*

отмены клятв казалась столь очевидной, что деяние Собора 1971 года прошло почти незамеченным. Безоговорочное снятие клятв, на которое не могли согласиться антистарообрядческие миссионеры начала XX века, в 70-е годы полемики не вызвало.

Отмена клятв Собором 1971 года преследовала не миссионерские, а, можно сказать, экуменические цели. Никакого протеста и никаких сомнений в его уместности этот акт не вызвал, и его принятие прошло практически незаметно. И позже, когда аналогичный акт приняла Зарубежная Церковь, то речь уже шла о покаянии гонителей перед гонимыми, а не о миссии среди старообрядцев.

Если проблема решается почти два века, то в момент решения выясняется, что это уже совсем иная проблема. Проблема клятв была поставлена в связи с задачами «противораскольнической миссии», однако к концу XX века исходная мотивировка была практически забыта, в результате чего и Московская Патриархия, и Зарубежная Церковь стали говорить уже о сближении со старообрядцами.

Литература

Айвазов 1917. – Деяния Пятого Всероссийского Миссионерского Съезда. Под редакцией И. Г. Айвазова. Москва, 1917.

Акты Московского Престола. – Акты Московского Патриаршего Престола. – Церковный вестник Западноевропейской епархии (Le Messenger de l'Eglise Russe à l'etranger). 1929. № 6 (июнь). С. 3–7.

Амвросий. – Архиепископ Амвросий (граф фон Сиверс). Катакомбная Церковь: «Кочующий» Собор 1928 г. – http://katakomb.postart.ru/whoiswho/k_sobor.htm

Боровой 1998. – Протопресвитер Виталий Боровой. «И он был верен до смерти» // Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков). Человек Церкви. К 20-летию со дня рождения Высокопреосвященнейшего митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, Патриаршего Экзарха Западной Европы (1929–1978). М., 1998. С. 91–120.

Василий 1998. – Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Письма. Нижний Новгород, 1998.

Вургафт 1996. – С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.

Голубинский 1905. – Е. А. Голубинский. К нашей полемике со старообрядцами. М., 1905.

Деяние 1971. – Деяние Освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 6. С. 3–5.

Екимов. – Старообрядческий календарь на 1930 год. Издание председателя Духовной Комиссии старообрядцев Латвии наставника Авдея Иосифовича Екимова. Б. м., б. д.

Журналы I–IV. Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. Т. 1–4. СПб., 1906.

Зайде 1983. – Gernot Seide. Geschichte der Russischen Orthodoxen Kirche im Ausland von der Gründung bis in die Gegenwart. Wiesbaden, 1983.

Зеленогорский 1991. – М. Зеленогорский. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991.

Зеньковский 1970. – С. А. Зеньковский. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII века. Мюнхен, 1970.

Каптерев I–II. – Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. I–II. Сергиев Посад, 1909–1912. Оттиск из журнала: Богословский вестник.

Каптерев 1913. – Н. Ф. Каптерев. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов: время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913.

Карловцы 1939. – Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей с участием представителей клира и мирян. Белград, 1939.

Кравецкий 1996. – А. Г. Кравецкий. Календарно-богослужбная комиссия (1957–1958) // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 2. М., 1996. С. 171–210.

Кравецкий и Плетнева 2001. – А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева. История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). М., 2001.

Кутузов 2003. – Б. П. Кутузов. Церковная «реформа» XVII века как идеологическая диверсия и национальная катастрофа. М., 2003.

Лисогорский 1905. – Н. В. Лисогорский. Московский митрополит Платон Левшин как противораскольнический деятель. Ростов-на-Дону, 1905.

Мельников 1857. – Записка о русском расколе, составленная Мельниковым для в. к. Константина Николаевича по поручению Ланского (1857) // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 1. Лондон, 1860. С. 169–198.

Никодим I–II. – Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима (Милаша), епископа Далматинско-Истрийского. Т. I–II. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996 [Репринт с изд.: СПб., 1911].

Никодим 1971. – Об отмене клятв на старые обряды. Доклад митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) на Поместном Соборе 31 мая 1971 года // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 7. С. 63–73.

Об отлучении. – Об отлучении от Церкви (анафематствовании или проклятии) // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2000 год. М., 2000. С. 66–73.

Определение 1974. – Определение Собора Епископов Русской Православной Церкви Заграницей о старом обряде // Православная Русь. Церковно-общественный орган. 1974. № 23 (1048) (1/14 декабря). С. 6.

Определения 1930. – Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви Заграницей. 1930. № 1–2. С. 2–3.

Определения 1964. – Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Церковная жизнь. 1964. № 7–12. С. 33–51.

Отзывы I–IV. – Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1–3 + дополнение. СПб., 1906.

Результаты 1886. – Результаты Казанского съезда епископов // Церковный вестник. Часть неофициальная. 1886. № 13. С. 229–231.

Рункевич 1998. – С. Г. Рункевич. Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917–1918 гг. // Богословские труды. Сб. 34. М., 1998. С. 193–199.

Собрание определений I–IV. – Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 1–4. М. 1918. Репринт: М., 1994.

Собор 1974. – Третий Всезарубежный Церковный Собор // Православная Русь. Церковно-общественный орган. 1974, № 18 (1043). С. 1–18.

Успенский 2002. – Б. А. Успенский. К истории троеперстия на Руси // Б. Успенский. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 361–370.

Филарет 1844. – Беседы к глаголемому старообрядцу. Изд. 3-е. М., 1844.

Филарет 1855. – Синодального члена, Высокопреосвященнейшего Филарета, Митрополита Московского, изъяснение о проклятии, положенном от Собора 1667 года // Прибавление к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 14. М., 1855. С. 24–30.

Филарет I–VI. – Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по ученым и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцию Преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. М., 1885–1888.

Шлеев 1910. – Свящ. Симеон Шлеев. Единоверие в своем внутреннем развитии. (В разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев.) СПб., 1910.

Юдин 2001. – Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. Хрестоматия. Сост. Алексей Юдин. М., 2001.

Архивные материалы

Доклады отделов. – Дело с докладами Отделов и Комиссий. [Доклады Отделов и комиссий, представленные на рассмотрение и утверждение Общего собрания] // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. № 174.

Единоверие. – Отдел «О единоверии и старообрядчестве». Проекты заседаний Отдела. (Подлинное название: Отдела X-го по Единоверию и старообрядчеству. Об устройении Единоверия (подлинные протоколы заседаний Отдела) // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. № 364.

Записки 1971. – Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Материалы Поместного Собора Русской Православной Церкви (май 1971 г.). Тексты обращений и докладных записок духовенства к комиссии по подготовке Поместного Собора // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. № 440.

Иркутский Собор. – Дело о деяниях бывшего в июле и августе 1885 г. собрания Преосвященных некоторых Сибирских епархий (1885–1888) // РГИА. Ф. 796. Оп. 166. № 1553.

Клятвы. – Письма духовных и светских лиц, доклады отдела, особые мнения членов отдела, исторические обзоры и другие материалы по разработке нового положения о единоверии и старообрядчестве // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. № 367.

Миссионерский съезд 1917. – Материалы Всероссийского миссионерского съезда (протоколы заседаний секций съезда, доклад о состоянии миссионерской работы, предложения реорганизации миссии и т. п.) // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. № 339.

Письма 1971. – Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Материалы Поместного Собора Русской Православной Церкви. Копии писем духовенства в предсоборную комиссию // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. № 441.

ПК–1971. – Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Материалы Поместного Собора Русской Православной Церкви. Программа, протоколы заседаний Предсоборной комиссии // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. № 438.

Предсоборный совет I. – Журналы (протоколы) заседаний Предсоборного совета // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. № 577.

Предсоборный совет II. – Журналы (протоколы) заседаний отделов Совета)¹⁴⁶ // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. № 578.

Протоколы отдела. – Отдел о внутренней и внешней миссии. Протоколы заседаний Отдела // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. № 337.

Собор 1971. – Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Материалы Поместного Собора Русской Православной Церкви. Доклады, списки // ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. № 443.

Старообрядцы 1970. – Архив ОВЦС. Дело 49а. Старообрядцы. 1970.

Старообрядцы 1971. – Архив ОВЦС. Дело 49а. Старообрядцы. 1971.

Старообрядцы 1972. – Архив ОВЦС. Дело 49а. Старообрядцы. 1972.

¹⁴⁶ В действительности, первую половину дела составляют протоколы пленарных заседаний.